

Вера Чиркова
Искаженное эхо

«Чиркова Вера Андреевна»

2011

Чиркова В. А.

Искаженное эхо / В. А. Чиркова — «Чиркова Вера Андреевна»,
2011

ISBN 978-5-699-75342-0

Тяжел и очень ненадежен ритуал вызова демона, но это далеко не самое скверное. Много хуже другое: никогда нельзя узнать загодя, кого именно выхватит магический крючок из глубины чужих миров. И уж совсем невозможно предугадать, как поведет себя добытый демон в незнакомом мире и удастся ли заставить его служить на пользу роду. Иначе придется так трудно доставшуюся добычу принести в жертву жестокому местному божеству. И всё же, невзирая ни на какие тяготы, ни один из воинских домов Гаранты никогда не откажется от своей очереди попытать счастья в неверном и рискованном ритуале. Потому что от этого зависит судьба всего народа.

ISBN 978-5-699-75342-0

© Чиркова В. А., 2011

© Чиркова Вера Андреевна, 2011

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	35
Глава седьмая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вера Чиркова

Искаженное эхо

© Чиркова В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава первая

– Может... не стоит рисковать? Отбились же в это лето... – договаривать втора не стала: Аркстрид все было отлично известно и без ее слов.

Что всё еще может измениться к лучшему. Например, весна выдастся затяжной и дождливой, или поздний паводок снесет все захваченные туглами мосты. Самым лучшим вариантом могла бы стать эпидемия краснухи или черной гнили, тогда роду досталось бы не менее десятка спокойных лет. Но об этом можно только мечтать, как и о надежном защитнике.

Не решилась втора напоминать и о непомерной трудности ритуала вызова. Зачем повторять всем известные вещи? Хозяйка и сама прекрасно знает, что проникновения за грани чреваты дурными последствиями, а шанс удачи чрезвычайно мал. Потому-то Харрис и позволила себе лишь взглядом выразить всю тревогу и сомнения, бушевавшие в сердце.

И когда Аркстрид в ответ упрямо сжала губы, втора неприметно вздохнула, опустила глаза и тихо попятилась к двери. Заранее ведь предвидела именно такой ответ на свой осторожный вопрос. Сегодня их очередь испытать судьбу, и ведущая никогда не отступится от этой возможности. Хотя и отказаться от попытки ее переубедить, предостеречь, остановить втора тоже не могла.

А когда не удалось, лишь коротко кивнула, даже не пытаясь выдать этот жест за поклон, и тенью выскользнула из комнаты.

Аркстрид вздохнула, проводив помощницу взглядом, и начала собираться.

С этого момента она действовала спокойно и уверенно, отбросив всяческие тревоги, мучившие ее последнее время. Незачем, приняв важное решение, пускать в душу расслабляющие ее сомнения.

Сбросив домашние полотняные одежды, ведущая неторопливо надела тулку и манхи, сначала нижние, из тщательно выделанных беличьих шкурок, потом верхние, более длинные и просторные. Затем натянула носки из шерсти снежной собаки, штаны из кожи морского буйвола, толстый акхадак, а сверху двухслойную шапку, полушубок и простые унты. Довершил сборы крепкий ремень с прицепленными к нему кожаными ножнами, хранящими в зачарованном тепле клинок огня.

Рукавицы и бурох тоже на пояс, заранее собранную сумку с зельями – через плечо. Проверять и озираться, все ли взяла, не нужно: порядок сборов заучен еще в детстве. Отодвигать меховую шкуру и заглядывать в мутноватое темное зеркало тоже не стоит: только настроение себе портить лишним напоминанием о собственном уродстве.

Все, можно выходить, наверняка все собрались и ждут только ее. Аркстрид незаметно горестно вздохнула, тут же мысленно отругала себя за недостойную настоящей дочери Гаранты слабость и рывком распахнула тяжелую, обитую снаружи мехом дверь. В галерее было прохладно, несмотря на то, что на зимний период все лишние проемы закладывали насушенными за лето плитками дерна и промазывали глиной. А изнутри еще и завешивали тяжелыми меховыми полостями.

Несколько шагов по крутой узкой лестнице, и Аркстрид ступила в полумрак освещенного только масляным светильником узкого зала, первого в череде таких же пустынных и холодных. Здесь ее ждали верные подручницы Урсанит и Парбин. Обе высокие, статные, с ярким здоровым румянцем во всю щеку. Красавицы.

Аркстрид торопливо подавила привычный завистливый вздох: сегодня ей, как никогда, нужен чистый и холодный разум, иначе может случиться беда. А у их народа проблемы и без того множатся с каждым годом.

На улице было морозно и светло, несмотря на приближающуюся полночь. Темно-синий полог самой длинной в году ночи богиня сна и иллюзий Йэссатан щедро разукрасила драгоценными россыпями звезд и дивным ожерельем из всех шести лун.

В узкие сани уже была впряжена тройка снежных собак, напоминавших в обманчивом ночном свете три больших снежных сугроба. Урса встала в передке, и собаки неторопливо подныли на ноги, кося на возницу лиловыми зрачками. Первой на сиденье устроилась Аркстрид, опустила на лицо нижний слой шапки, с небольшими прорезями для глаз, завязала потуже завязки, натянула рукавицы.

Парбин села сзади и в точности повторила все ее действия, но вначале тщательно замотала в меховую полость свою ведущую. Хоть ехать и недалеко, но колючий промороженный снег успеет набиться во все самые незаметные щели, выстудит драгоценное живое тепло. А им и так с ведущей не очень повезло, хоть дар и силен, зато статью не удалась. Если не знать, что хозяйка дома, с первого взгляда можно за трутня принять.

Круг богов находился всего в паре лиг от дома, на безлесой макушке самого высокого в округе холма, и пологая дорога, вьющаяся к нему по склону, была расчищена от камней еще с незапамятных времен. Впрочем, и строил подобные круги какой-то загадочный древний народ. А вытесненные туглами за Ханзайский хребет гараны ставили неподалеку свои крепости как раз в надежде на силу этого места.

Но и это было давно, так давно, что уже стало легендой. А вот сила тут и вправду была, такие одаренные, как Аркстрид, могли, прикрыв глаза, видеть сердцем синеватое сияние, пучком вырывавшееся из центральной дыры остроконечной крыши.

Снежные собаки легко несли сани по промерзлой целине и вскоре вымахнули на самый верх, остановившись почти вплотную к низким, грубо отесанным колоннам, выстроившимся на макушке холма идеальной окружностью.

Бин с Урсой уложили собак с подветренной стороны сооружения, выдав каждой по огромной кости из хранившегося под задним сиденьем запаса. И только потом помогли ведущей выбраться из саней.

Узкие щели между колоннами служили одновременно и дверьми, и источником света, но лишь днем. Ночью тут царил тьма, непроглядная для всех, кроме одаренных. Пока подручницы доставали факелы и необходимые для ритуала принадлежности, Аркстрид шагнула внутрь и прикрыла глаза, рассматривая духовным зрением хорошо знакомый храм. Все внутри него было пропитано силой, и потому Аркстрид легко различала каменный алтарь, стоящий точно посередине просторного помещения с выбитыми на колоннах астральными знаками и старинными рунами. Высотой в половину человеческого роста и шириной примерно пять локтей камень напоминал гигантскую чашу своей идеально круглой и слегка вогнутой поверхностью.

Несмотря на то что всю последнюю пятицу в долине бушевали метели, пол храма, выложенный грубо тесанными плитами, как всегда, оставался сух и чист. Такова уж загадочная особенность старинного круга, всё постороннее: – снег, дождь, пыль и даже насекомые – не может преодолеть невидимой преграды. Да и звери никогда не прячутся от непогоды под его надежной крышей.

– Начинать? – просто для порядка спросила Бин и, получив утвердительный кивок, принялась зажигать от привезенных в жаровенке угольков пропитанные смолистым составом факелы и втыкать в отверстия, выбитые в колоннах.

Урса расставляла по краю алтаря бутылочки с зельями и свежей кровью, чаши, ритуальные статуэтки. Порядок их нахождения был давным-давно определен по рунам и многократно проверен опытным путем, а место для каждой вещицы предусмотрительно отмечено охрой.

Аркстрид достала из сумки первое зелье, усиливающее способность впитывать силу и входить в транс, и вылила в рот почти полфиала. Невольно передернула худенькими плечами:

ох и горечь. Но это еще полбеда, хуже другое. После ритуала подручницы будут увозить ее отсюда замертво, и в большей мере это будет следствием принятого снадобья.

Незаметно вздохнув, ведущая сняла рукавицы – скоро ей будет жарко – и положила пальцы на край алтаря. Тонко кольнуло нежную кожу, отдалось странным теплом в позвоночнике. Аркстрид не боялась перебрать силы, хоть и шептались непосвященные про жуткие обгорелые кости, какие находят иногда на склоне. Да кому как не ей знать: наступит миг, и ее собственное тело засветится во внутреннем видении точно таким же ровным светом, как алтарь. И с того мига не возьмет больше силы ни малейшей капли.

Урса закончила с факелами и шагнула было к алтарю поставить возле ведущей жаровню – иногда и огонь может понадобиться – как вдруг ее что-то насторожило. Гарана замерла на полушаге, чутко вслушиваясь в доносящиеся извне звуки, и в этот момент тихо, предупреждающе зарычал вожак. Подручница нагнулась, неслышно опустила на пол жаровню и выскользнула наружу. Тем и хороши снежные собаки: не только сани и тележки могут таскать, а при необходимости превращаются в грозных бойцов.

– Кто? – одними губами спросила Аркстрид прижавшуюся к колонне Бин.

– Чьи-то сани, – коротко ответила подручница и сняла рукавицы.

Больше ничего ведущая спрашивать не стала, и так все ясно. Четвертый дом, где хозяйничала здоровущая, отчаянная Кинтамид, давно требовал передать им очередь на ритуал. Уверяя всех, будто у Аркстрид снова ничего не получится.

И хотя на словах они вроде бы были правы, все знали, на деле всё совершенно иначе. Слишком молодой и неопытной была Аркстрид в прошлый раз, шесть лет назад, встав короткой летней ночью у древнего алтаря. Да и знала про силу недостаточно, чтобы удержать в руках жар, хлынувший сумасшедшим горным потоком.

– Четверо, – шепнула скользнувшая внутрь Урса, – как подъедут, нападаем.

Ведущая и без этого пояснения была уверена, что ее подручницы без боя не сдадутся и не отступят, даже если Кинтамид предложит разойтись миром. После такого отступления ее авторитет ведущей и одновременно хозяйки упадет ниже некуда. И даже Сумарин, хозяйка самого слабого дома, станет задирать перед ними нос и диктовать свои условия в каждой, самой пустячной сделке. Вот еще быть бы настолько же уверенной в победе: подручницы у Кинтамид такие же крепкие и опытные воины, как их хозяйка. Да и ведущая у них хоть и слабее Аркстрид в управлении силой, зато с мечом или молотом управляется легко, как бывалый воин.

– Подъехали.

В коротком сообщении Бин проскользнула нотка презрения, отлично понятая хозяйкой. Кинтамид мало того что почти опоздала, так еще и не посчитала их достойными противниками, иначе остановила бы собак заранее и приказала своим спутницам подобраться к кругу незаметно, с четырех сторон.

– Ха! – коротко скомандовала Урса, и собаки, притаившиеся среди сугробов, призрачными тенями обрушились на врагов.

Рычание, крики, звон мечей о кованые шипастые ошейники вмиг прервали мирную тишину волшебной ночи, и подручницы Аркстрид, не дожидаясь, пока захватчицы перебьют собак, ринулись из храма. Урса на ходу выхватила дротики, Бин держала в руках заранее снятое со спины копьёцо.

Аркстрид большими прыжками поспешила за ними, наполнившая ее сила сделала тело ловким, а походку странно упругой и легкой. Мелькнула на краю сознания мысль, что за эту мимолетную легкость придется после несколько дней расплачиваться жестокой болью, и пропала: в такую минуту не до забот о будущем.

Схватка, кипевшая на маленькой площадке, которой заканчивалась дорожка, была в самом разгаре, и Аркстрид с первого взгляда стало ясно, насколько безнадежно они проигрывают. Пока трое из прибывших женщин отбивались от собак, четвертая успела выпрячь соб-

ственных животных, и теперь три огромных, рычащих клубка катались посредине, разметав в стороны легкие сани. А противницы, разделившись поровну, схватились с ее подружницами, и хотя те даже не думали сдаваться, победа в неравном бою им не светила. Если даже им повезет остаться в живых, Кинтамид заберет воинов в свой дом как заслуженную награду. Впрочем, сани и собак заберет тоже, только саму Аркстрид не тронет: хозяйка дома входит в число неприкосновенных особ рода наравне со старейшими. Единственное, на что может расщедриться победительница – это подвезти ведущую поближе к ее дому, чтобы сполна насладиться чужим унижением, ведь встречать вернувшихся с ритуала выйдут все воины и старшие домочадцы.

Тяжелая палица, любимое оружие Кинтамид, опустилась на предплечье не успевшей увернуться Урсы, и та не смогла сдержать короткий стон. Перебитая рука обвисла безжизненной плетью.

Все тревоги и боль последних трудных лет, зло и обида на подлых захватчиц, оскорбленное их нападением самолюбие и страх за верных подружниц свились в груди Аркстрид в тугой болезненный комок, требующий немедленного выхода. А непознанная, глубинная часть сознания, напрямую связанная с силой круга, призывала поторопиться, иначе ведущая сама сгорит в этом яростном огне. Аркстрид даже не успела ни толком осознать происходящего с нею, ни продумать дальнейшие действия. Поддавшись необоримому напору охвативших ее чувств, девушка подняла руку и направила ее на Кинтамид, позволив всей своей жгучей ненависти выплеснуться в это самоуверенное, раздумывавшееся от мороза и схватки лицо.

Дикий, душераздирающий вой вонзился в уши, пронзая мозг и заставляя цепенеть конечности, когда сорвавшаяся с пальцев Аркстрид ослепительная синеватая молния вонзилась в хозяйку одного из самых сильных домов клана. Объятая пламенем Кинтамид отлетела на несколько шагов и через несколько долгих, как вечность, мгновений превратилась в дымящуюся головешку.

Аркстрид невольно схватилась руками за рот, пытаясь удержать рвущийся наружу крик ужаса. Ведущей не раз приходилось вместе с кланом отражать атаки туглов, и поразить ее видом смерти было трудно. Но никогда еще девушке не приходилось быть свидетельницей такой жуткой и скорой кончины, и осознание, что это именно она так жестоко расправилась с непревзойденным воином, тяжким камнем легло ей на душу.

Зато ее подружницы откровенно торжествовали: по всем законам клана гибель хозяйки дома означала немедленное прекращение боя. Да и противницы это знали не хуже, и если в другой ситуации попытались бы отбиться или сбежать, то при виде застывшей возле колонны худосочной фигурки ведущей напрочь отбросили всякие сомненья. Стать еще одним факелом не хотелось никому.

Несколько минут и пара пузырьков с настойкой дикого перца ушли на то, чтобы разнять остервеневших псов, и за это время Аркстрид успела взять себя в руки. Холодным властным голосом приказала Тулист, бывшей ведущей бывшего дома Кинтамид, заняться рукой Урсы и повела остальных в храм. Время поджимало.

Снова легли на холодный камень слегка обожженные пальцы, позволяя телу добрать истраченную силу, и в этот раз наполнение прошло много быстрее и безболезненнее. Смирившиеся со своей участью недавние противницы помогали Бин разливать по маленьким чашам кровь, разбрызгивать по полу душистое зелье, потом встали на равных расстояниях друг от друга, чтоб успеть одновременно вылить на демона кровь и сонное зелье, иначе обозленная вызванная сущность может в отчаянии поранить и себя, и их.

В центр алтаря, прямо на узкую скважину, уходящую на неведомую глубину, на миг положили маленькое серебряное зеркальце, великую ценность, принесенную из затерявшейся в заоранских степях древней родины. На чуть поцарапанной за прошедшие века, но по-прежнему светлой поверхности вспыхнуло отражение Аль-Ингир, путеводной северной звезды, и это означало наступление знаменательного момента.

Ведущая допила остатки зелья, отцепила с пояса буро́х и, сняв с него меховой чехол, поднесла к губам. В другой руке она держала наготове клинок: если не успеть немного поранить демона, чтоб его кровь попала на алтарь, родной мир может утянуть назад вызванную сущность.

Нежный, чистый звук сначала тихо и несмело пролился из серебряного горла буро́ха, но постепенно окреп, зазвучал во всю силу, отражаясь от высокой крыши рвущим сердце эхом и завораживая души неведомой тоской и светлым восторгом.

Аркстрид и сама плыла на волнах своей музыки, спонтанно рождавшейся где-то в глубинах души и просившей, умолявшей жестоких богов, правящих этим миром, смягчиться, сжаться на миг, позволить хрупкой ведущей привести в свои владения так необходимого клану защитника.

Сила, бесстрастно струившаяся из темных глубин мира, понемногу сконцентрировалась в теле призывающей, стала ее частью, продолжением, прониклась ее болью и надеждой. И в какой-то миг, став острой иглой, рвущей дыру в гранях между мирами, ринулась туда, пытаясь достать вожака чужое существо.

Напряженные, как струны, подручницы, всеми силами пытающиеся не поддаться очарованию пения буро́ха и не пропустить долгожданный момент, потрясенно застыли, когда на алтаре возникло чье-то тело.

Свернутый в уютный комок демон и не думал сопротивляться или драться: видимо, ритуал выдернул его из родного мира в тот самый момент, когда он сладко спал. И Аркстрид, посчитавшая это необыкновенной удачей, немедленно вонзила в руку существа заговоренный клинок.

А затем так же быстро растерла брызнувшую кровь по алтарному камню.

Подручницы тоже опомнились и торопливо поливали подскочившего от боли демона кровью и сонным зельем.

– Ёмаёвычётворитегады?! – возмущенно вскричал вызванный демон на неизвестном языке и сразу обмяк, сраженный невероятной дозой лучшего сонного снадобья.

– Заворачивайте его в одеяла, запрягайте собак... – еще успела расслышать Аркстрид четкие указания подхватившей ее на руки Парбин, а накатившая черной волной безмерная слабость уже уносила девушку в пропасть глубокого обморока.

Глава вторая

– Отседова придется ножками, – равнодушно сообщил тракторист и полез в прицеп за вещами.

Ножками так ножками, пожал плечами Арсений, принимая у пропахшего солярой парня рюкзак и сумку. Рассчитался он заранее, потому только кивнул и попер по крутой тропке вверх, к своему новому жилью. И по совместительству – месту работы.

Месту, нужно сказать, абсолютно неприбыльному, но и его удалось вырвать по великому благу. Хрен его знает, куда девается в России нормальная работа и польза от природных богатств, но только не народу достается, это точно. Обычные люди копейки считают, жрут всякую гадость, неизвестно из чего и как сделанную, и ходят в китайском дерматине. Конечно, всюду хватает рвачей, которые изо всех сил лезут, расталкивая всех, кто послабее или посострадливее, локтями и сапогами, и умудряются в конце концов устроиться довольно сносно. Вот только всё это благополучие держится зачастую на гнилых нитках, дернет судьба посильнее, оно и рухнет.

Арсению это было известно лучше, чем другим: сам еще недавно владел бизнесом и считал себя крутым и ушлым. Еще и друзьям советы давал, сейчас уши горят, как вспомнит. Так ведь чистосердечно тогда считал, будто для успеха достаточно хорошо знать свое дело и вкалывать по четырнадцать часов в сутки.

Работу на стройке он почти досконально изучил за два года армии, его призыву последнему такая радость досталась. Из-за дефектов зрения попал Арсений в стройбат и вначале думал, что придется ему там трудно и голодно. Однако повезло, строить для родины ничего, кроме генеральских загородных домов, не пришлось, а там подкармливали. Сначала, правда, в основном делал – бери больше, бросай дальше, но деревенскому, привыкшему к труду парнишке это давалось сравнительно легко. А потом старательного солдатика заметил прораб и начал понемногу нагружать все более сложной работой.

Вот и сумел Арсений, дембельнувшись подчистую, сразу найти работу в строительной бригаде. А еще через пару лет ушел на собственные хлеба. Зарегистрировал фирму, переманил к себе тех, в ком был уверен, что не запьют и не подставят. Спустя три года Арсений имел, кроме квартиры в подмосковном городке, джип, выкупленный под офис подвальчик и почти полтора десятка рабочих. Негусто, но заказы раз от раза удавалось получать все более солидные.

И вот тут оказалось, что его успехи кому-то пришлись поперек горла, и в фирме начали происходить различные мелкие, но досадные срывы. А потом и вовсе прижали его так, что пришлось срочно все бросать и бежать без оглядки с чужим паспортом в кармане. Унести и продать за бесценок удалось лишь сущее барахло, но про это лучше не вспоминать: сразу поднимается в душе жаркая ненависть к тем, кто бесстыдно сломал с таким трудом налаженную жизнь.

Арсений, чуть запыхавшись, остановился у низкого, в одну ступеньку, крылечка, достал из кармана полученные от начальства ключи и отпер испинатую грязными сапогами дверь. В нос ударил запах застоявшегося табачного дыма и нечищеного биотуалета, и новичок с отвращением понял, что начинать работу придется с банальной уборки. Предыдущий метеотехник, уволенный за беспробудное пьянство, загадил помещение хуже, чем сумело бы целое семейство хрюшек.

Прокопался новосел почти до самого вечера, матеря предшественника самыми изощренными словечками из народного сленга, потом снял показания приборов, сверяя порядок процедуры по шпаргалке, приготовил нехитрый ужин, обмыл перемену в жизни стаканчиком коньяка и с чистой совестью завалился спать.

А ночью Арсению неожиданно приснился кошмар. Ему снилось, будто он вдруг оказался в каком-то незнакомом, неприятном и мрачном месте. Там было очень холодно и жутко, и картины, какие успел рассмотреть во сне Арсений, больше всего напоминали декорации к страшилке про дикарей или вампиров. Всплывали в памяти изрисованные заковырыстыми знаками грубо обтёсанные мощные колонны, подпиравшие уходящий вверх закопченный купол. Вокруг чадили дымные факелы, над ухом Арсения надрывно завывала дудка. А сам он почему-то валялся голяком в замороженной каменной чаше, стоящей посреди этого ужасающего места. Рядом с чашей теснились жуткие, косматые и лохматые существа и кололи его раскаленным ножом, а потом вдруг принялись поливать темной вонючей и скользкой жижей. От боли и отвращения Арсений брякнул нечто матерно-невразумительное, и кошмар медленно растаял, сменившись спокойным сном без сновидений.

Но и сейчас, проснувшись среди ночи в мягкой постели, Арсений чувствовал, как до сих пор напряжены перебудораженные необычайно ярким и реалистичным сном нервы.

Вот приснится же такая пакость, и ходишь потом как мешком ударенный. И откуда, интересно, из каких глубин подсознания вытащила память такой антураж? Наверняка из какого-то мельком увиденного фильма.

Арсений поежился, заползая глубже под одеяло, все-таки прохладновато тут, на высоте, и ошеломленно замер. Даже сердце как будто притормозило, пропустило один такт.

Спокойно, не нужно паниковать, сам же всегда смеялся над фильмами, в которых здоровый мужик, обнаружив в своем доме или авто странное существо либо явление, начинает визжать диким поросенком. Или, наоборот, смело лезет потрогать зубы очередной гигантской твари.

Вполне возможно, он сам по незнанию сделал какую-то оплошку, вот теперь спросонья она и обнаружилась. Похоже, не нужно было устраивать себе праздничный ужин по поводу начала новой жизни. Хотя и выпил-то он совсем немного, грамм сто пятьдесят коньячку, да и закусил неплохо. Опробуя плитку, сварил десяток нечищенных картох и пару толстых сарделек. А еще нарезал огурцов и лука, открыл упаковку селедочки в масле... нет, ужин был вполне достаточным, там еще даже осталось немного.

При воспоминании об остывших картошках и затерявшейся на дне пластиковой коробочки селедке в желудке Арсения заскреблись голоднучие звери, а рот наполнился жадной слюной.

Гляди, какой аппетит-то наработал, саркастично ухмыльнулся Арсений и решительно взялся за край одеяла: отказывать себе в такой малости он не привык.

Где же тут свет-то включается, вспомнить бы... еще цеплялось за обыденные заботы упрямое сознание, а интуиция уже взвыла, испуганно забившись куда-то под солнечное сплетение.

Потому как моментом сопоставила тактильные ощущения от прикосновения к сатину нового пододеяльника, самолично напяленного с вечера на казенное, слегка засаленное одеяло, и восхищение пальцев, схвативших что-то пушистое.

Может, котенок приблудился? Или крыса обнаглела? А может...

Не может, обозлился Арсений.

Он просто пытается обмануть себя самого, и пора уже в этом признаться. Мягкое и пушистое ощущается не только подушечками пальцев, давно потерявших жесткие нашлепки мозолей, но и ступнями, коленками, локтями. Следовательно, одеяло не его. И тогда возникает два вопроса: откуда оно взялось и чем ему лично грозит появление этого одеяла?!

Мочевой пузырь напомнил о неприятных побочных эффектах, зачастую сопровождающих у людей приступы внезапного страха, и Арсений досадливо вздохнул. Как ни крути, а собственный организм не переборешь, и, значит, вылезать из-под этого странного одеяла все-таки придется.

Арсений решительно отбросил подозрительное покрывало и сел.

Ему повезло, что когда-то в солдатской казарме досталась нижняя койка и привычка садиться осторожно так и осталась. Иначе разбил бы голову: потолок неожиданно оказался слишком близко. Арсений снова лег и осторожно ощупал непредвиденное обстоятельство. Вроде как доски, причем толстые, звук от удара костяшками сжатых в кулак пальцев оказался глухим.

Интересно, а пол далеко? Арсений хотел было опустить руку с кровати, но вспомнил те самые фильмы и едко фыркнул. Действительно, натуральный идиотизм, сразу совать везде пальцы. А как же положено поступать в таких случаях, если не можешь представить, где ты находишься? Первым делом, прежде чем вставать, неплохо бы все внимательно рассмотреть, но для этого нужен свет. А для того, чтобы найти свет, нужно встать с постели.

Круг замкнулся.

Арсений злобно скрежетнул зубами, и в ответ на этот скрежет где-то неподалеку раздался сладкий зевок. Совсем рядом кто-то зашевелился, затопал, лицо Арсения обдало холодным ветерком, мелькнул и пропал тусклый луч света, затем что-то мягко чмокнуло.

Если судить по ощущениям, тут кто-то был. И этот кто-то только что ушел.

Вопрос: почему он это сделал?

Не понравился скрежет зубов Арсения? Или просто ему так захотелось?

И как теперь надлежит поступить ему, радоваться уходу этого... не пойми кого или горевать?

Долго думать Арсению не пришлось: снова возник свет, на этот раз более яркий, очертил продолговатый квадрат, и сразу стало понятно, что это открылась дверь. А в нее торопливо скользнул довольно крупный субъект с незамысловатым каганцом в руках.

Арсений так и впился глазами в вошедшего, даже дыхание затаил, стараясь не упустить ни единой мелочи.

Сначала лицо, это всегда главное.

Ну... лицо как лицо, деревенское такое, круглощёкое и румяное со сна. Короткие, словно обгрызенные волосы цвета пшеничной соломы, брови чуть темнее, глаза ярко-голубые, редкий цвет. Роста вошедший был высокого, метр восемьдесят пять, не меньше, Арсений и сам такой, привык определять на глаз. Плечи широкие, руки мускулистые, с неожиданно мелковатой кистью. Одет в штаны и рубаху без ворота из странной грубой ткани, вызывающей сильное подозрение, что это не нормальная одежда, а какой-то маскарадный костюм под старину.

Делать нечего, пришлось наконец с досадой признать очевидное. Это место и близко не было домиком метеостанции и даже не походило на него.

Вошедший отвел от себя светильник, тени легли по-другому, и тут Арсений испытал настоящий шок.

Этот мужик был вовсе не мужиком, а женщиной! Нет, не женщиной, а ЖЕНЩИНОЙ!!!

Больше всего похожей на бывшую баскетболистку, отъевшую на деревенской сметане торс и подкачавшую плечи, а если короче, попросту на гренадершу.

Она поставила на грубый столик свой светильник и что-то произнесла, показывая на пол. Не по-русски сказала.

Арсений осторожно сел, спустил босые ноги на брошенные у постели меховые сапожки и откинул одеяло.

– Кудрить! – озадаченно вырвалось у него при виде собственных ног.

Нет, ноги были на месте, как и всё остальное, но вот прикрыты они были подолом такой же грубой рубахи, как и одежда на хозяйке этого помещения.

Разумеется, против рубахи Арсений ничего не имел, в комнате было довольно-таки прохладно, так ведь, кроме неё, на его теле больше ничего и не было!

– ... – повторила гренадерша, важно показывая на пол.

Арсений сунул ноги в сапожки, встал, сердито фыркнул, обнаружив повисший ниже колен подол рубахи, и нагнул голову, рассматривая вещицу, которую ему пытались показать с таким упорством.

По полу, отделяя одну половину комнаты от другой, была проведена чем-то сероватым четкая граница, а рядом с ней светлело несколько странных знаков. Их вид вызвал в животе Арсения неприятный холодок: сразу вспомнился ночной кошмар, и махровым цветом расцвели ужасающие подозрения.

Староверы. Или свидетели чего-то там, Арсений в этих делах совсем не разбирался, но точно помнил всякие жуткие статейки, мелькавшие иногда в популярных газетках.

Про украденных и задуренных детей, про оргии и, наоборот, строгие запреты на все связанное с сексом, вплоть до... ох ты ж ёлки!

Тут Арсений перепугался по-настоящему, вспомнив боль от кинжала, схватился за руку, еще помнившую пронзивший ее раскаленный огонь, и обмер. Руку обхватывала мягкая повязка, и от прикосновения боль стала сильнее.

Вот же гады! А что ещё они с ним сделали? Совершенно бессознательно рука метнулась вниз проверить... не додумались ли сектанты покуситься на самое дорогое?

Уф, вздох облегчения самопроизвольно вырвался из груди, всё в порядке. Значит, нужно первым делом добыть штаны, а вторым – придумать план побега.

Арсений огляделся: нет, ни шкафа с одеждой, ни хотя бы простой вешалки в комнате не было. Странная низкая ниша, в которой устроена постель – с одной стороны, и точно такая же – с другой. А посередине грубый стол и светильник на нем.

Скудное жильё. Только сектанты и могут жить в таком аскетизме, теперь он точно уверен.

Бежать, и немедленно.

Вот черт, а штаны?

Арсений задумчиво окинул взглядом гренадершу, с независимым видом стоявшую за серой чертой, и хитро заухмылялся. А чем эти штаны ему не хороши? Да и рубашечка более подходящая, чем напяленная на него хламида.

– Иди сюда, – сказал пленник ласково и уверенно, грош ему цена как мужику, если не сумеет задурить мозги этой деревенской кариатиде.

– ?.. – не поняла она, но шагок к границе сделала и снова важно показала на нарисованные знаки.

Верит, дуриха, что он не станет нарушать нарисованную ею границу.

– Сюда иди, курочка моя бройлерная, – ласково позвал Арсений, – дело есть на пять миллионов.

Она нерешительно оглянулась на дверь, видимо, было у нее какое-то указание на этот счет, и это сыграло роковую роль. Арсений прыгнул к хозяйке и подтолкнул женщину в сторону ее постели.

– Снимай всё, быстро!

Гренадерша смотрела на него широко распахнутыми глазами, и то, что в них разгоралось, заставляло интуицию Арсения вопить, как пожарная сирена, однако останавливаться он не собирался. Неизвестно, сколько там у неё сообщников и есть ли среди них мужики, но упускать подвернувшийся шанс было бы беспросветной дурью.

– Снимай, – для убедительности Арсений взялся за рубаху сектантки и потянул вверх.

Два раза объяснять не пришлось, баба оказалась понятливой. Сбросила шмотки в один момент, он в первый миг даже растерялся немного, а потом обозлился. Вот оно что! Стало быть, сектанты ему попались из тех, что оргии устраивают, а он хоть и без особых комплексов, но к групповухе относится очень отрицательно. Скотство в этом какое-то есть, да и больным, извращенным сознанием за версту воняет.

Арсений грубо выхватил у дурехи штаны и вмиг натянул на себя, мимолетно подивившись примитивному кожаному шнурку, протянутому сквозь проколотые дырки, но сразу забыл, не до того. Скинул с себя длинный балахон, бросил непонимающе следящей за его действиями сектантке и, схватив ее рубаху, метнулся к двери. Приоткрыл осторожно, высунул голову, осмотрелся.

Непонятное какое-то строение. В обе стороны, плавно закругляясь, уходит плохо освещенный редкими светильничками коридор. Потолок низкий и закопченный, выложенные из грубо отесанных каменных блоков стены даже не оштукатурены, зато изредка украшены меховыми ковриками. И холодно, как зимой в подъезде его сталинки.

Убедившись, что коридор пуст, Арсений торопливо выскользнул из каморки, захлопнул за собой массивную, из толстого бруса, дверь, скользящую неожиданно мягко, что навело бывшего строителя на мысль о заботливо смазанных петлях.

Однако Арсений сразу забыл об этом, нечего засорять мозги всякой чепухой, и, крадучись, двинулся вправо, такая уж у него была примета: когда не можешь выбрать направление, идти вправо. Время от времени попадались на пути другие дверцы, но открывать их Арсений не торопился. Судя по тому, что все они были с одной, внутренней стороны скруглённого коридора, это такие же кельи, как та, где осталась сидеть ошарашенная гренадерша с потрясённо вытаращенными глазами.

А ведь она так сидеть долго не будет, обязательно помчится вдогонку, подхлестнула Арсения простая мысль, и он невольно прибавил шагу. И через несколько секунд почти столкнулся с сонно бредущей по коридору немолодой крупной женщиной, в таких же, как у него, штанах и рубахе.

Он даже споткнулся от неожиданности и застыл на месте, вжавшись в стену. Но незнакомка его не заметила, открыла узкую дверцу и шагнула туда. Арсений облегченно выдохнул и пошел было дальше, но, уже пройдя мимо дверцы, скрывшей встреченную тетку, засомневался. Чем-то эта дверца отличалась от остальных, размером, что ли?

Беглец оглянулся и внезапно понял: все остальные двери были обиты вытертыми шкурами, а эта светила красноватыми боками ошкуренного горбыля. Он повернул назад, и тут дверца вновь распахнулась, и давешняя тетка так же сонно протопала мимо.

Посомневавшись чуток, пленник, словно невзначай, толкнул дверь ногой, подождал, не раздастся ли окрик, и только потом проскользнул внутрь.

А едва оглядевшись, едко усмехнулся своему везению: этот чуланчик был примитивным туалетом. Просто дыра в полу и сухой мох в висящей на стене корзинке, вот и все удобства. Однако организм обрадовался и таким, и Арсений не стал его огорчать.

Но когда, собравшись выходить, приоткрыл дверь и услышал вдалеке топот и возбужденные голоса, понял, что зря обвинял свою удачу, пока она была на его стороне.

Несколько томительно долгих минут он стоял, вжавшись в тесный уголок возле двери, так, чтобы вошедший не смог его сразу заметить, и чутко прислушивался к происходящему. И когда услышал приближающийся топот, похвалил себя за сообразительность. Стало быть, первым делом сектанты бросились искать его возле выхода, а не найдя, рванули в обратную сторону, совершенно уверенные, что уж теперь пленник никуда от них не денется.

И теперь нужно только молиться, чтобы никто не догадался забежать в отхожее местечко.

Догадались, открыли дверь и сразу захлопнули, лопухи. Стало быть, нечасто у них пленники сбегают, раз такого простого приема, как прятаться за дверью, никто не знает.

Арсений выждал для верности с полминуты, выскочил из приютившего его чулана и бегом рванул в противоположную сторону. Он мчался, не оглядываясь и не разбирая дороги, зная одно: главное – вырваться из этой силосной башни, как пленник успел окрестить неприглядное жилище сектантов. А уж о том, как найти дорогу к людям, он успеет подумать позднее.

Узкую лесенку, ведущую вниз, Арсений едва не проскочил, не заметив в полумраке, да зацепился за выступающую из стены толстую плаху, к которой было скобой прибито тонкое бревно, заменяющее перила.

– Строители, кудрить, – презрительно фыркнул беглец и шагнул на лесенку.

В помещении, куда привела лестница, было еще темнее и холоднее, странные, мрачные то ли залы, то ли комнаты, лишённые даже намека на окна, следовали коротким паровозиком, такие же безликие и пустынные, как заброшенный товарный состав. Лампадки тут висели еще реже, и приходилось бежать наобум. Из одного помещения в другое вели широкие арки, своды подпирали каменные колонны, и было совершенно невозможно понять, кто и зачем это строил и для чего оно предназначалось архитектором. Но, судя по толщине стен и примитивной планировке, скорее всего, строилось еще в прошлом веке для какого-то небольшого производства.

Арсения ничуть не удивило, что сектанты обосновались в этом здании: посмотрелся уже на магазины и офисы, переделанные из жилых квартир, и на жилье, сооруженное из гаражей, сараев, списанных вагонов и просто мусора.

Беглец даже немного согрелся, пока несся по паровозу, но очень жалел, что не додумался захватить то меховое одеяло. Наверняка на улице будет еще холоднее. Так кто ж мог подумать, что его уволочут в такую даль, ведь на дворе стояла хоть и поздняя, но довольно теплая осень. Или его усыпили и прошло несколько дней? Черт, неужели из-за этих сумасшедших он лишился такой удобной работы?

Усилиями воли Арсений заставил себя отбросить всякие размышления о происшедшем, вот вырвется отсюда, доберется до жилья, тогда и будет решать, как поступать дальше.

Очередное помещение оказалось занято кучами то ли снега, то ли ваты, в полутьме не разберешь. Арсений растерянно остановился: раз тут что-то лежит, значит, выход в другой стороне. Или он пробежал его, не заметив в полумраке? Пленник огорченно присвистнул, и одна из куч вдруг зашевелилась. Приподнялась с пола, отряхнулась и потопала в его сторону.

У Арсения смертельным холодом вмиг сковало все внутренности, когда он увидел, как огромный белый медведь топает к нему спокойно, как к законной добыче. Что бежать бесполезно, он понял сразу, видел по телеку, как бегают эти неуклюжие с виду зверюги.

И драться нечем, да и не выстоять ему даже против одного зверя, а их тут не меньше десятка. Вон еще несколько заворчалось.

Глава третья

– Втора! Проснись! Демон убежал! – Едва заслышав отчаянное всхлипывание привезенной вчера ночью девчонки, Харрис ловко вывернулась из-под полога, сунула ноги в домашние чуни и побежала к спальне, где с вечера оставила спящего демона.

– Он не там, он ушел... – всхлипнула новенькая.

– Буди других, я к выходу! – сердито скомандовала втора и помчалась так, как давно не бегала.

Вот ведь как чувствовала она, что нельзя доверять охрану демона этой неумехе Тулист, да вымоталась за день, столько хлопот! Решила поспать немного, а уж потом сменить захваченную хозяйкой ведущую. Ну кто же знал, что демон так быстро отойдет от сонного зелья! Ведь приведишь человеку столько получить, целую пятицу бы продрых без задних ног!

А вот почему заклинания Тулист его не остановили, пусть Аркстрид разбирается, когда подымется, им бы сейчас найти безумца да попытаться вернуть его в спальню: обидно будет, если с таким трудом добытый защитник погибнет, так и не успев освоиться в их мире. Они ведь поначалу-то все слабые после ритуала, силу чувствовать не умеют, человеческих объяснений не понимают. Только знай лопочут что-то по-своему, по-демонски.

Однако возле выходной двери демона не оказалось, и засов был не тронут, и втора, разворачивая жестом прибежавших на помощь воинов, поспешила ко входу в хозяйственную половину и спальни домочадцев.

Хотя оттуда демон никуда и не сбежит, на зиму дом оставлял незакрытым всего один выход, но перепугать детей и трутней вполне может. Само собой, кроме них в теплой части дома спят еще старики и одна припоздавшая роженица, но этих никаким демоном не удивишь.

Добежав до нужной двери, втора так и обмерла.

Кожаный шнурок, которым она сама с вечера завязала дверные петли, чтобы любопытные подростки не устроили набега на комнату демона, так и красовался на своем месте.

Это значит, демон их перехитрил и отсиделся где-то в спальне.

– Проверяйте все комнаты, – скомандовала Харрис и побежала назад.

Воины послушно ринулись к комнатам, только Урса и Бин не остановились, словно и не слышали ее приказа. Ну, так не зря они выбраны в подручницы к Аркстрид: хозяйки всегда забирают себе самых сообразительных и независимых. Да и по закону подчиняются они только ведущей, а она пока беспомощнее малого дитяти. Стало быть, вольны сами решать, как поступить.

– Только бы не опоздать! – отчаянно твердила про себя втора, мчась по галерее вслед за подручницами хозяйки. – Только бы обошлось!

Уже в нижних залах, освободившихся к середине зимы от хранившихся в этой половине припасов, вторе удалось обогнать начавшую заметно выдыхаться Урсу. Все-таки трудно бегать со сломанной рукой, хотя и примотанной к дощечке. Теперь женщина неслась в нескольких шагах от Бин и молила богов только об одном – уберечь неразумного демона от гибели.

– Туман, нельзя! – раздался впереди отчаянный оклик Парбин, и сердце у вторы оборвалось.

Снежные псы – свирепые звери, церемониться с чужими не привыкли, вмиг разметают на клочки и следов не оставят.

– Смилуйтесь, справедливые заступники, отведите беду, спасите несмышленого демона! – еще отчаяннее взмолилась Харрис, пробегая последний зал перед отведенным для собак помещением. – Неужто зря столько трудов потрачено и соплеменница сгублена напрасно? Конечно, сама она виновата, первая напала, но судилища Аркстрид теперь не мино-

вать. Хорошо еще, что все остальные участницы живы и подтвердить могут: не с добром приехала Кинтамид к храму, даже единого слова про договор не бросила.

Втора выскочила наконец в прихожий зал и круто остановилась рядом с озадаченной Бин, пораженно рассматривая представшую перед ней картину и не в силах поверить собственным глазам. Демон был тут, живой и совершенно невредимый, стоял прижатый к стене огромной тушей вожака и усердно чесал жмурящегося от удовольствия зверя за лохматым округлым ушком.

– Харрроший, харроший, – повторял он ласково и уверенно непонятное второе слово, а завидев прибежавших гаран, так же ласково сказал: – Нуидолговвысмотретььсобираетесь?

И Бин почему-то сразу сообразила, что сказанное, несмотря на мурлыкающие нотки в голосе демона, совершенно не похвала.

– Туман, на место! – зарычала она, и вожак нехотя поплелся к стае, признательно лизнув напоследок руку демона.

– Дверь открой! – едва очутившись на свободе, приказал пленник вторе и сделал такой ясный жест, что все поняли, чего он просит.

Харрис горестно вздохнула и послушно шагнула к занавешенной пологом двери. Разумеется, она предпочла бы сделать это под присмотром хозяйки, все-таки с ведущей спокойнее, но выбора не было. Как ни крути, а несчастный демон предпочтительнее демона разъяренного.

Громыхнул промороженным железом массивный засов, скрипнула дверь. Морозный воздух клубом ворвался в приоткрытую щель, заставив женщин поежиться.

А демон бесстрашно бросился вперед и, отодвинув широким плечом втору, выпрыгнул на присыпанное снегом крыльцо. Сделал несколько шагов и вдруг замер, задрал к небу голову. Гараны терпеливо ждали, потирая озябшие плечи, догадываясь, что именно сейчас чувствует чужак. Почему-то для всех призванных защитников самым ошеломляющим было наличие на небе шести лун.

Мир обрушился в один миг, словно зеркало Снежной королевы, разлетелся на мельчайшие ледяные осколки. И все они вонзились в душу Арсения, разом вымораживая чувства и желания.

«Но ведь такого просто не может быть?» – убито спрашивал сам себя пленник и упорно не желал принимать очевидный ответ.

Арсений никогда не верил в дикий бред про другие миры и про живущих там неведомых существ.

Сказки.

Причем наивные и неуклюжие, не имеющие под собой никакого физического объяснения. И когда Светланка, младшая сестра, пыталась поделиться с ним своими переживаниями по поводу людей, попавших в выдуманный, параллельный мир, едко ее высмеивал, приводя неопровержимые доводы, почерпнутые из школьного учебника.

Но шесть лун, ожерельем летящие сквозь редкие облака по ночному небу, усеянному странно крупными и яркими звездами, опрокинули вверх дном всю его недавнюю уверенность в бредовости Светкиных книжек. И не просто опрокинули, а еще и потоптались по ней всеми шестью лунами и просто невероятным для земного неба количеством звезд.

Острая боль пронзила сердце, отчаяние на несколько секунд стянуло горло невидимой петлей, когда до Арсения вдруг дошло, что он больше никогда не увидит ни матери с отцом, ни сестер и брата, ни друзей и знакомых.

Никого.

И неважно, что за последние два года он так и не выбрался съездить в родной поселок навестить родителей. Да и письма им писал нечасто, лишь на Новый год и день рождения. Правда, деньги посылал, зная, как трудно выживает сельская интеллигенция, вынужден-

ная обязательно обрабатывать огромный огород, косить сено и держать скотину. На зарплату матери, всю жизнь проработавшей в школе, меньших не поднимать. А тут еще и отец после развала совхоза остался без дела: в наше время инженер по технике безопасности никому не нужен, потому как и сама безопасность рабочих давно никого не волнует.

А теперь они зря будут выглядывать в окно, чтобы подсмотреть, бросит или нет пробегающая мимо почтальонка квиток на перевод в почтовый ящик, специально прикрученный к сетке забора.

Короткий стон вырвался из груди Арсения вместе с облачком пара, и только теперь он почувствовал пощипывающий кожу морозец. Довольно крепкий, не меньше минус пятнадцати. И бежать неизвестно куда по такому морозу в тонкой одежке просто глупо и смешно, так как на деле это просто самоубийство. А самоубийца Арсений презирал глубоко и искренне и добровольно вступать в их ряды вовсе не собирался.

Он бросил последний, контрольный взгляд на проклятые луны, решительно повернулся и в пару прыжков оказался в доме. Женщины обрадованно ринулись закрывать дверь, и Арсений заметил их посиневшие от холода губы. Значит, тоже мерзли, но вслед не бежали, а просто стояли и ждали. Ясен пень, загодя знали, никуда пленнику отсюда не деться. А вот почему не стали возвращать его в дом силой, еще предстоит разбираться. То ли боялись, что он их покалечит, сопротивляясь, то ли наоборот. Вон какие острые штучки висят почти у каждой на поясе.

И тут у Арсения родилось в душе нехорошее подозрение, что он для чего-то очень нужен вот этим амбалистым теткам. Пониманию таких вещей бизнес учит быстрее, чем походы к психологам. Причем нужен именно в качестве союзника, а не раба. Ведь если бы не надежда на какую-то будущую выгоду, вряд ли бы они стали особо церемониться. Заперли в каком-нибудь чулане с крепкой дверью и спали бы себе спокойно. Ежу понятно, за просто так невесть откуда взявшегося чужеземца не укладывают спать под меховое одеяльце и не приставляют охранницу, готовую на всё. Видно же было, пожелай он чего погорячее, сопротивляться или звать на помощь она бы не стала.

И если так, вполне вероятно, именно эти тетки имеют какое-то отношение и к его появлению в этом мире. Может, и не сами дельце провернули, на колдунов они как-то не похожи, да и ясно помнятся ему мохнатые морды, но заказик сделать вполне могли. И тогда становится понятным их терпеливое ожидание: не хотят портить с ним, Арсением, отношений. И для него это просто замечательно. Значит, можно будет поторговаться, вполне возможно, колдуны знают и обратный путь домой. Во всех случаях Арсению не нужно идти ни на какие сделки, пока не разведает все досконально про этот мир.

Хуже всего, что придется учить язык, а у него с тех пор, как пытался выучить в школе английский, стойкое отвращение ко всяким языкам.

– ... – с состраданием поглядывая на Арсения, мягко позвала немолодая женщина и указала в ту сторону, откуда они сюда прибежали.

– Да уж конечно пойду, не тут же околевать, – ворчливо пробормотал пленник и оглянулся на кучи белого меха. – Пока, дружище, завтра приду проведать.

А потом отчаянно подмигнул хозяйкам и первым зашагал в сторону спален, со злым удовольствием отметив их ошеломленные взгляды. Ну, теперь держитесь, гренадерши, смотрите только, как бы жалеть не пришлось, что не норвежца или шведа вытащили, которые много лет живут себе спокойненько, ни войн, ни перестроек не зная, а русского парня, и так доведенного уродливой российской жизнью до озверелого состояния.

Пока топал по темным гулким комнатам и шагал по лестнице, Арсений успел немного мозгами пораскинуть, правила поведения для себя установить. Само собой, злить и настраивать против себя аборигенов он не будет, это самое глупое, что можно придумать в его поло-

жении. Но и унижаться не станет, нужно попытаться так поставить себя, чтобы туземцы прониклись к нему уважением. Как минимум.

И когда старшая из женщин, торопливо топающая следом, окликнула его, остановившись возле двери в спальню, красноречиво покачал головой в ответ. А потом так же красноречиво изобразил, как грызет что-то аппетитное и даже губы облизнул. Одна из провожатых испуганно охнула, другие мрачно схватились за оружие.

– Вот дуры-бабы, – с упреком уставился на аборигенок Арсений, – решили, небось, будто я людоед? Или вы и сами такие? Тогда нужно будет отдельный номер занять, на всякий случай.

– ... – Только старшая поняла все правильно и жестами предложила Арсению подождать в комнате, еду она принесет сама.

– Перебьешься, – чуть грубовато отказался пленник, – мало ли чего вы втихаря подсыпать можете. Нет уж, я с тобой пойду, прослежу за процессом.

Он подцепил тетку под руку и широким жестом распахнул перед ней невидимые двери, веди, мол.

Втора попыталась было вырвать руку, но сразу унялась, сообразив, что так только сильнее разозлит демона. Так, под ручку, они и дошли до завязанной шнурком двери, и только тут Харрис словно невзначай освободилась от демонской хватки. А распустив завязку и распахнув дверь, торопливо шагнула на ту лесенку, что вела вниз. Пользуясь полумраком и крутизной ступеней, втора постаралась уйти вперед: странное поведение демона настораживало женщину своей непредсказуемостью. Нет, их дому еще ни разу не повезло добыть себе защитника, но когда это происходило в других домах, каждый жест пленников и каждое сказанное ими слово передавалось остальным со скрупулезной точностью.

Если они, разумеется, были в состоянии говорить. Но нормального защитника последний раз вызывал лет семь назад дом Тишанот, остальные доставали то огромных птиц, то странных зверей, а один раз вообще попала рыба с человеческой головой и руками.

– Нудалекоещё? – раздраженно проворчал демон, и втора тайком вздохнула: как бы еще понять, спрашивает он чего-то или сообщает, что сейчас начнет их убивать?

– Пришли, – сообщила на всякий случай как можно миролюбивее, открывая кухню.

Гараны, ввалившиеся следом, без дела не стояли, одна сразу направилась к очагу и, покопавшись, нашла под слоем заны раскаленные угольки, ловко раздула огонек под сухой щепочкой, зажгла большую лампу. Вторая, захватив с полки чистые чашки, поставила их на стол и начала раскладывать оставшуюся от ужина мамалыгу, третья, метнувшись в холодный чулан, уже несла полную миску соленых грибов.

А втора за это время успела положить на доску большой кусок вяленой кабанятины и ловко настрогать ее розовыми ломтиками с прослойкой чуть желтоватого жира.

Демон сел к столу и бдительно наблюдал за действиями женщин, а они специально готовили трапезу на всех присутствующих, памятуя о крайней недоверчивости пленников, считающих, что гараны только и мечтают отравить с таким трудом добытого защитника.

Потом вызванный подвинул к себе выбранную чашку с мамалыгой, бросил сверху несколько ломтей мяса и что-то искал на столе глазами.

– Вилкокнеположено? – спросил с неприкрытым ехидством и показал вторе, как чем-то невидимым черпает кашу.

– Фух, – облегченно пробормотала Урса, присаживаясь к столу так, чтоб не задеть большую руку, – наш-то не дикий, ложку требует. А тишанотский только сырое мясо жрал, да и брал голыми руками.

– Сдается мне, он вообще не такой, как другие, вот посмотрим, на что в бою годен, тогда и будем знать, радоваться или горевать, – задумчиво ответила втора скорее своим мыслям, чем

подручнице, наблюдая, как пленник обнюхивает и разглядывает каждый кусочек еды, прежде чем сунуть его в рот.

Арсений слушал мягкие женские голоса, чем-то напоминавшие индийские, из виденных в детстве фильмов, и жевал почти несоленое жесткое сало, припахивающее к тому же застарелым жиром. Соленые грибы он есть побоялся, хотя и очень любил. Однако осторожность взяла верх: незнакомые грибы еще в детстве отец велел обходить десятой дорогой. К тому же и в густой каше попадались мелко порезанные кусочки грибов, только уже вареных. Вполне достаточно для проверки организма. Вилоч, как он правильно догадался, у туземцев не было, женщина с неуклюжим лубком, привязанным к опухшей руке, притащила несколько деревянных некрашенных ложек.

Вопросы насчет туземных мужчин, которых он пока не встретил, местности, где стоит этот дом, того зала, куда его вытащили из родного мира, про здешний климат и политическое устройство страны роем растревоженных пчел гудели в голове Арсения, возникая и пропадая, вытесненные все новыми. Но все они были ерундой и мелочью по сравнению с главным: зачем он понадобился аборигенам? И тут снова возникала та же непреодолимая проблема – язык.

Но ведь должны же были эти тетки предусмотреть все вопросы, связанные с общением, заранее? А значит, не позднее чем утром все объяснят ему, и нужно только потерпеть, уговаривал себя пленник. Однако, наевшись и уже топя в сторону своей комнаты, не удержался, тронул ту женщину, которая была у туземок главной, за рукав и попробовал показать жестами, что хочет разговаривать.

– Нельзя пока ничего сделать, – печально покачала головой Харрис, – больна наша хозяйка, а сильный дар в доме только у нее. Теперь еще Тулист есть, но на ту у меня надежи нет. Раз она тебя удержать не сумела, то лучше уж не рисковать.

Арсению не понравилась виноватая горечь, звучавшая в голосе женщины, такое впечатление, что тетки чего-то прошляпили. Ну, все ясно, мужики небось на охоте или на войне, историю Арсений не любил и плоховато представлял, чем они там занимались в древности, эти предки, но что бабы накосячили, просек сразу.

– Может, я разберусь в вашей проблеме? – нахмутив брови, поинтересовался Арсений и выразительно показал, как идет разгребать их дела, но хозяйка только головой замотала: нет.

– Да ты мне покажи, а я сам решу, по силам задачка или нет, – настаивал Арсений, не переставая жестикулировать, чтоб глупой тетке понятнее было.

Она тоже нахмурилась и повернула назад. Довольный проявленной настойчивостью пленник, не отставая, топал следом. Дверь в нужное помещение оказалась недалеко, но тетка, дойдя до нее, еще несколько минут колебалась, прежде чем отважилась открыть.

А едва дверь распахнулась, Арсений решительно отстранил проводницу и смело шагнул внутрь.

Сначала ему показалось, будто в комнате, ярко освещенной светильничком, никого нет, и, только пристальнее взглядевшись, пленник рассмотрел лежавшего на постели аборигена. Уже понимая, что пришел напрасно, в медицине он разбирался на уровне лекарств, лежащих в автомобильной аптечке, Арсений все же сделал еще пару шагов.

– И кто ж ее так? – спросил расстроенно, разглядывая бледное личико худенькой девушки, совершенно не похожее на румяные физиономии местных гренадерш.

Темные густые ресницы медленно шевельнулись, приоткрывая густую синь фиалковых глаз, бледные потрескавшиеся губы что-то беззвучно шепнули.

Тетка бросилась к больной, бережно приподняла голову, напоила каким-то снадобьем из красивого бокала, близко не соответствовавшего всей остальной местной утвари, и снова уложила на подушки.

А потом потянула Арсения прочь, не замечая кроткую мечтательную полуулыбку, скользнувшую по губам демона.

Глава четвертая

Наутро Арсений проснулся от тихого шепотка и, еще не открывая глаз, понял: в комнате кто-то есть. И этот кто-то его бесцеремонно рассматривает при свете принесенного с собой каганца. Потому что ночью, проводив пленника до спальни и дождавшись, пока он устроится на постели, тетка ушла вместе со светильником. Охранявшую его гренадершу Арсений тогда же решительно выставил за дверь, недвусмысленно дав понять, что никакие соседки ему не нужны, и аборигенка не стала спорить. Хотя заметно расстроилась и, уходя, попыталась разжалобить Арсения умильным взглядом голубых глаз. Однако после подлого предательства Марины бывший бизнесмен категорически считал всех вешающихся на него женщин потенциальными врагами и верить таким не собирался.

– А разве я разрешал сюда входить? – приподнимаясь на локте, с нарочитой угрозой поинтересовался Арсений у незваных гостей и едва не оглох от испуганного визга.

Несколько ребятишек, примерно лет пяти-семи, ломанулись к двери и не смогли ее открыть, совсем забыв от испуга, что та открывается внутрь. Детвора запаниковала, раздался дружный рев, а самая старшая, судя по росту, девчушка выхватила откуда-то довольно внушительный ножик и встала впереди друзей, собираясь защищать их от злобного незнакомца.

Костеря себя за глупую шутку, Арсений с любопытством разглядывал малышню, не предпринимая никаких попыток двинуться с места. Не хватало еще спровоцировать малолетних аборигенов на драку. Их решительные мамы вряд ли такое потерпят.

И словно в подтверждение его мыслей дверь резко распахнулась, разметав в стороны заревевших с новой силой малышей, и в комнату влетела вчерашняя туземка со сломанной рукой.

В здоровой руке у неё был светильник и, подняв его повыше, пришедшая очень быстро разобралась в обстановке.

Сердито рыкнула на малолетних лазутчиков, и они моментально испарились. Потом что-то буркнула Арсению и шагнула к двери, но он решительно ее остановил. Раз у женщины все равно больничный, ну или как тут это называется, значит, можно немного с ней поболтать.

– Меня зовут Сен, – решительно сократив нелюбимое имя, представился Арсений и, постукав себя пальцем в ключицу, с выражением повторил: – СЕН!

– Урса, – неохотно отозвалась Урсанит, некстати вспомнившая, что нельзя открывать демону свое имя.

– Юрса? – переспросил демон, и гарана кисло скривилась: такого издевательства над своим именем она и представить не могла.

– Урса!

– Йурса?

– Урса!

– Ятакиговорю! – рассердился демон. – Юрса!

Урса с досадой махнула рукой: пусть будет Юрса, ну что с него взять – демон.

– Так, Юрса, – выпрастывая из-под одеяла босые ноги в женских штанах и нащупывая домашние унты, распорядился пленник, – где тут у вас инструменты и доски?

Свою непонятную речь он сопровождал еще более непонятными жестами, и озадаченная Урса поторопилась отвести демона к Харрис, вроде ночью у вторы как-то получалось с ним договариваться.

Харрис они нашли на кухне, но не в малом помещении, где уже горел очаг и двое старших подростков помогали старухам готовить обед, а в соседнем, более просторном, который в праздники используют как пиршественный зал. Сейчас длинные столы были отодвинуты к стенам, освободив середину зала для хозяйственных работ. Чтоб не тратить лишние дрова,

нижнюю печь по утрам не топили, и все старались устроиться поближе к кухонному очагу. Несколько корзин со свежесрезанными грибами стояло на полу, и втора вместе с кучкой младших подростков ловко чистила урожай трофейным туглским кинжалом.

– Не пойму, чего этот демон хочет, – расстроено глянув на кучу грибов, вздохнула Урса: с одной рукой она тут не помощница, – наверное, чтоб детей наказали. Манист привела свою стаю на него посмотреть.

– Ладно, попробую уговорить, – с досадой отложила кинжал втора, – только накормлю сначала. Сытый демон всегда добрее.

От еды демон не отказался, но сначала заглянул во все котлы и корзины, смешливо фыркнул, рассмотрев грубые кинжалы в детских руках, презрительно ухмыльнулся деревянным бадейкам с водой, принесенным для приготовления обеда.

Втора наблюдала за ним и сердилась: вот ни словечка не сказал, а по смуглой, черноглазой морде отлично видно, что он их чуть ли не дикарями, вроде туглов, считает. И, что обиднее всего, на первый взгляд почти прав. Старых, сработанных далекими предками вещиц становится все меньше, а делать новое нет ни времени, ни сил. Да и умения теряются с каждой ушедшей к предкам гараной.

– Для того тебя и призывали, припугнуть как следует туглов и дать гаранам передышку от войны хоть на несколько лет, – нестерпимо хотелось вторе объяснить правду наглому демону, хотя бы на пальцах. Но пока он не знает языка, лучше не соваться, Аркстрид ей не простит, если они неправильно что-то сделают и пленник потом не захочет помогать.

Демону положили в чашку горячей каши и плеснули сверху густого молозива – первая коза окотилась несколько дней назад.

Арсений уже поднес было ложку к каше: раз предложили поесть, отказываться не стоит, вдруг потом до вечера ничего не дадут, порядки у всех разные, – как в кухню виновато прошмыгнули давешние малыши. Уныло выслушали сердитую отповедь старшей тетки, хмуро покивали и тихо устроились на скамье подальше от него. Одна из кухарок принесла им миски с кашей, и дети с энтузиазмом взялись за ложки, старательно не глядя в сторону демона. Лишь самая махонькая и худенькая девчоночка метнула быстрый разочарованный взгляд на миску Арсения, и у него разом перехватило горло. Чем-то эта девчонка была похожа на Светку, когда та была совсем крохой. Нет, не внешне похожа, внешне и сам он, и сестры с братишкой удались в отца, верней, в чернявую бабушку-хохлушку. А эта светленькая, как одуванчик. А сестренку напомнила взглядом, безнадежным и завистливым одновременно. У Светки был тогда диатез, и врачи категорически запретили ей сладкое, вот и провожала несчастным взглядом каждую ложку варенья или конфетку, съеденную братом.

– Юрса! – сердито окрикнул Арсений, но, сообразив, что, пока он объясняется, дети съедят кашу без молока, встал со своего места и неторопливо двинулся к малышне с миской в руках.

Дети втянули головы в плечи и замерли, да и старшие напряглись, готовые в любой момент выхватить оружие и броситься отбивать малышню. С тревогой следя, как демон направляется к детям, гараны привычно переглянулись, распределяя роли и порядок действия. Первым делом, разумеется, нужно отбросить в сторону Манист, уже сейчас видно, из девчонки вырастет неплохой воин, потом можно будет попытаться забрать остальных. Хотя особо ценных там больше нет, но и их весной можно обменять в селе на крупу и ткани. А возможно, и на что-то более ценное.

А демон спокойно остановился возле малышей и аккуратно поделил между ними молозиво из своей чашки, причем начал дележку с болезненного Хира, который неизвестно еще, переживет весеннюю голодовку или нет. И этим действием невольно настроил против себя гордую своим будущим призванием Манист.

Пользуясь своим положением любимицы, отчаянная девчонка скривила пренебрежительную мордашку и ехидно сказала:

– Смотри-ка, Хир, демон хотел тебя съесть, но побоялся подавиться костями и решил сначала подкормить.

Гараны невольно заулыбались, услышав эти слова, боевой дух Манист им нравился. Такие, как она, не прячутся за других, когда через шаткие мостки на их берег рвется озверевшая орда туглов. Только Хир еще больше втянул голову в плечи, испуганно кося на демона голубенькими глазенками.

Гадкая какая девчонка, обозлился Арсений, прекрасно понявший, что старшенькая как-то подкусила малышку. И аборигенки ее поддержали своими смешками, значит, считают пацанку вправе так поступать. «Ох и не нравится мне все это, – сердито зыркнул на туземок пленник, – сказать бы им пару слов, да ведь не поймут».

– Не переживай, – ласково провел он ладонью по мягким волосам ребенка, – я скоро язык выучу, и тогда мы с тобой ей все припомним.

После завтрака Арсению пришлось долго втолковывать старшей тетке, которую он про себя нарек бригадиршей, что его интересует инструмент. Почти полчаса она никак не могла сообразить, чего бы мог означать рубящий замах правой рукой. Пока Арсений едва рычать не начал, всё строила непонятливую рожицу. И хотя мелькало у него подозрение, что тетка хитрит и раскусила она все намного раньше, чем призналась в этом, да доказать он не мог.

Бригадирша хмурилась всю дорогу, пока вела пленника по каким-то кладовочкам, забытым всякой всячиной, зачастую абсолютно непонятного Арсению предназначения. Он по привычке попытался было нарисовать в уме план этого дома, запутался напрочь и отложил до лучших времен. Понял только, что кухня вроде на первом этаже, а спальни на втором, и этот второй этаж имеет округлую или овальную форму. А вот с первым этажом такой ясности не было.

В комнатушке, куда тетка привела Арсения, хозяйничала аборигенка богатырского вида, в кожаном потертом фартуке и прожженных в нескольких местах штанах. В дальнем углу был сооружен примитивный горн, посередине помещения лежала внушительная каменная плита, на которой была установлена небольшая наковальня. Вдоль одной из стен тянулся верстак, а над ним были вбиты в стену колышки, увешанные смутно узнаваемым инструментом, связками мелких заготовок и уже вполне готовых к употреблению изделий. Противоположную стену занимал стеллаж из потемневших от времени плах, на котором было разложено всевозможное оружие.

Арсений жадно рассматривал мечи и ножи, луки и копья. Сделанное грубовато, порой даже небрежно, оружие тем не менее выглядело очень грозным и опасным. Может, оттого, что на древках некоторых копий светлели многозначительные зарубины, а лезвия всех мечей уродовали глубокие зазубрины. Одну полку стеллажа занимали стрелы, связанные кожаными шнурками в большие вязанки, не меньше чем по сотне штук в каждой. Под стеллажом пронизательный взгляд пленника рассмотрел кучку небрежно брошенных неказистых широких ножей, близнецов тех, которыми дети чистили грибы. И теперь нетрудно было догадаться, что оружие это трофейное.

Стало быть, отнюдь не мирно живет этим здоровущим аборигенам, безо всяких объяснений стало понятно Арсению, раз они вынуждены заготавливать такую кучу стрел. И поскольку мужчин в доме он так и не встретил, наверняка они сейчас где-то в дозоре или разведке.

Ну не воевали вроде раньше в особые-то холода умные люди, если он ничего не путает. Знакомых по фильмам французов, в белых штанах и с бабьими платками на плечах, умными ведь не назовешь?

– Я Сен, – уже привычно представился Арсений, и хозяйка кузни спокойно кивнула в ответ.

– Гамират.

– Нет, это мне не запомнить, – не согласился пленник, – давай ты будешь просто Гама. Поняла? Гама!

Она снова кивнула и невозмутимо продолжила прерванную их приходом работу – точить насаженный на новое топорище колун, шаркая лезвием об втиснутый между тремя клиньями сероватый булыжник. Арсений принял этот жест за разрешение хозяйничать и принялся снимать и изучать развешенное на крючьях добро. Некоторые предметы он узнавал сразу, ни с чем не спутаешь скобы и кольца для цепей, рыболовные крючки и капканы. Зато назначение других даже приблизительно угадать не мог.

– Харрис! – опасливо дернув пленника за рукав, решила представиться бригадирша, которой не терпелось увести его из опасного места.

– Сен, – не оборачиваясь, буркнул он, пытаясь представить, какого размера должна быть рыбина, если тройной крючок размером с его ладонь.

Бригадирша потопталась еще немного, потом решительно потянула Арсения прочь, показывая знаками свое твердое намерение отправиться наверх.

– Нет, я тут побуду, – твердо отказался он, подкрепляя свои слова энергичным мотанием головы.

Втора сообразила, что пленнику в кузнице понравилось, и страшно расстроилась: вовсе не собиралась она сидеть тут целый день. У нее, между прочим, весь дом на плечах.

Харрис скорчила самое сердитое лицо, какое только умела, но чертов демон прикинулся поленом, не понявшим ее гримас, и мягко подтолкнул втору к выходу, более чем ясно дав понять, что она свободна идти куда хочет. А вот у него здесь важные дела.

Она немного обиженно посопела, потом поймала насмешливый понимающий взгляд Гамирата и рассердилась на эту нахалку, уговорившую Аркстрид прошлой весной выменять у дома Ратилид какую-то железку на двух коз.

Независимо задрала нос и неторопливо вышла из кузницы.

Арсений проводил ее взглядом и усмехнулся: все страхи и опасения бригадирши были написаны у нее на лбу, но у него не было пока никакого желания доказывать ей, что только последний дурак может схватить оружие и начать драку. У него пока есть более важные заботы.

Во-первых, нужно придумать какой-нибудь запор на дверь туалета: милые дикарки такими условностями не заморачивались.

А во-вторых, лежа ночью в постели, Арсений без спешки продумал пару вариантов дальнейшего развития событий. Первый, при котором ему несказанно повезет и он сумеет вернуться домой. И второй, более вероятный и более безрадостный, при котором ему придется привыкать к жизни в этом мире. И произвел тщательную ревизию своих умений, придя в результате к плачевным выводам. Судя по всему, ничего из того, чем он занимался последние восемь лет, никоим образом ему не пригодится. Ни импортной сантехники, ни ламината и шелковых обоев, клеить которые Арсений наловчился еще в армии, тут и близко не предвиделось. И, стало быть, остались в активе только те навыки, которые он получил, работая перед армией трактористом у местного фермера, да то, чему научился дома, сажая огород и ухаживая за скотиной.

После ухода Харрис хозяйка кузни как-то подобрела, сунула Арсению в руки увесистый молоток и бросила в горн полоску железа. Несколько уверенных движений закопченной педалью мехов – и тусклые угольки в горне засветились ярким жаром.

Полдня пролетели почти незаметно, и к тому времени, как встревоженная Харрис, найдя уважительную причину, притопала за Арсением, он уже успел прочно подружиться со спокойной и невозмутимой Гамират. И выложиться, как новичок на стройке.

– Что? Обедать? Ну, пойдем, – сделал вид пленник, будто уходит только ради спокойствия бригадирши, хотя на самом деле рад был ее приходу.

Физические нагрузки лучше прибавлять постепенно, иначе на второй день не разогнешься.

В уже знакомом помещении, где он завтракал, народу было много больше, чем утром. Носился вкусный запах чего-то мясного, мягко постукивали деревянные ложки. Женщины и подростки мирно сидели за столом, разделившись по возрасту, старшие с одной стороны, малышня с другой.

Место для Арсения бригадирша приготовила возле старших, с торца, на широком, застеленном шкуркой чурбане.

Как почетному гостю, ухмыльнулся пленник, все более уверяясь в правильности своих предположений. Но спорить не стал, послушно потопал куда сказали, а проходя мимо малышни, невзначай поискал глазами давешнюю девчущуку.

А найдя, остановился как вкопанный. Личико увлеченно черпающей похлебку малышки было все в грязных разводах от слез, а на скуле багровел свежий синяк.

– КТО ЕЕ? – сквозь зубы поинтересовался Арсений таким голосом, что в столовой сразу стало тихо.

Втора не поняла, что спрашивает демон, но, проследив за разъяренным взглядом его сузившихся глаз, сообразила, что сделала великую глупость, разрешив Хиру обедать со всеми. Ведь видела же, как демон подкармливал малого. Кто знает, может у него дома был такой... вместо котенка. Он вон и с собаками сразу общий язык нашел.

– Ничего страшного, дети всегда дерутся, – успокаивающе пролепетала она. – Мы ему примочку сделаем, все и пройдет.

– А можно и на второй щеке такой же набить, чтоб еще красивее был, – непримиримо буркнула Манист, не терпевшая, когда кого-то из стайки малышей, которых она считала своей собственностью, начинали жалеть или опекать.

Правда, самовольная девчонка и в обиду свою стаю не давала, да только не так часто им и доставалось от взрослых.

– Что сказала эта дрянь? – почти нежно поинтересовался Арсений, и вот в этот момент Харрис вдруг испугалась по-настоящему, расслышав за тихой лаской демонского голоса грозное шипение медной гадюки.

Глава пятая

– ..? – строго произнес женский голосок за спиной пленника, и он резко обернулся, готовый вылить на наглую аборигенку, вмешавшуюся в разговор, весь запас своего негодования.

Однако почти сразу разочарованно сообразил: сорвать злость на нахалке не получится. В дверном проеме стояла девушка, которую он со вчерашнего вечера считал чуть ли не умирающей, и строго смотрела сквозь него. Арсений не выдержал, оглянулся и сразу осекся, разглядев расстроенное лицо бригадирши.

Опа, а эта девчонка-то, похоже, тут главное, чем Харрис. Хотя на вид кажется намного слабее соплеменниц. Среднего роста и хрупкого телосложения, однако по вполне зрелым формам понятно, что уже не зелень несовершеннолетия. И это втайне очень порадовало Арсения: подозрение, будто все женщины тут такие же амбалистые, как бригадирша, незаметно отравляло его планы на то будущее, в котором нет хода назад.

Одета леди босс тоже была более изящно, чем ее крупные соплеменницы. Почти такие же штаны и рубаха, но более аккуратно изготовлены, а по бокам и подолу вышиты строгие синие узоры. Тонкую талию стягивает плетеный пояс, на котором висит вышитая сумочка вроде барсетки и оружие в кожаных ножнах. И глаза у девчонки тоже синие, как васильки, и сердитые, как у кошки, обнаружившей в своих владениях чужака. Эх, как жаль, что он еще не знает языка туземцев и не понимает, о чем идет речь. Придется просто стоять и следить, чем закончится разговор.

– Так что тут происходит? – повторила Аркстрид, изо всех сил стараясь не покачнуться. – Объясните мне наконец!

– Это всё демон, – виновато пряча глаза, пробормотала Харрис, – неправильный он какой-то. С собаками разговаривает, утром молоко Хиру отдал. Другим детишкам тоже выделил, но заморышу больше всех досталось. А сейчас вот сердится, увидел у мелкого синяк и рычит.

– Зачем вы его сюда выпустили? – не повелась на эти объяснения хозяйка. – Почему в комнате не запечатали?

– Так печатала Тулист, как же, печатала! – всплеснула руками Харрис. – Большую миску костной муки извела! А он и не заметил, ходит теперь, как по собственному дому. Полдня в кузне у Гамирата проторчал, уходить не хотел. И она хороша, не прогнала, хоть я и намекала!

– Ладно, – остановила втору Аркстрид, отлично зная про ее неприязнь к кузнецу и не желая вновь выслушивать давно известные доводы. – С Гафират я поговорю, а сейчас он чего хочет?

– На Манист злится, думает, это она набила заморышу синяк.

– Не думает, а догадался, – не поднимая от чашки склоненной головы, тихонько проворчала Урса.

Как все скверно, привычно удерживая на лице холодную, безразличную маску, досадовала Аркстрид, лишь на один день выпустишь дела из рук, и всё сразу идет кувырком. Такое впечатление, будто никто, кроме нее, всерьез не беспокоится ни о судьбе дома, ни о благе всего их маленького народа. Ничтожного осколка некогда могущественной расы.

Она, разумеется, тоже виновна, не додумалась приготовить печати заранее, чтоб Тулист только замкнула линию, тогда сидел бы демон спокойно и не устраивал тут скандалов. Но как ей было предугадать появление в доме второй ведущей?! Да и с этим Хиром тоже ее промах. Разрешила Урсе не отдавать мальчишку прошлой весной в деревню, да ведь как просила верная подручница, какими словами клялась, что последнюю зиму он сидит на шее у дома, тут он быстрее поздоровеет и выровняется. Ничего подобного не произошло, лето было прохладнее

обычного, и малыш все время хворал. И как сейчас выходить из этого положения, если демон откровенно рассматривает ее саму, как голодная кошка жирную крысу?

– А как вы с ним объясняетесь? – так же бесстрастно поинтересовалась Аркстрид, прикидывая, достаточно ли у нее в запасе сушеного цвета горечавки, чтобы добавить в настойку синекорня.

Тогда удастся на несколько дней сделать демона поговорчивее, жаль только, не навсегда. К настойке синекорня очень быстро привыкают и люди, и животные, и, чтобы получать равный результат, с каждым разом нужна все большая доза.

Значит, решено, сейчас она попробует уговорить демона поест, а когда он немного успокоится, подольет ему настойки.

Аркстрид решительно шагнула к столу, но ослабевшие ноги подвели, подогнулись, ее повело в сторону, еще шаг – и хозяйка растянулась бы посреди пола, но демон бросился к ней стремительно, как ястреб на перепелку. Подхватил на руки, притиснул к себе и бережно понес на приготовленное для него самого место.

У воинов дыхание перехватило, когда они увидели свою ведущую в цепких демонских лапах. И ведь даже сделать ничего нельзя, ни мечом махнуть, ни копьем ткнуть. Сама же Аркстрид и накажет, хорошо, если просто кожи поставит мять, а ведь может вообще решить, что для дома такие бестолковые нужны меньше других. И тогда поставит весной в первую линию, из которой каждая третья уже никогда не возвращается домой.

Однако демон хозяйку посадил на чурбак осторожно, словно корзину с птичьими яйцами поставил, и сам сел на лавке рядом, бесцеремонно подвинув одну из гаран.

– Харрис, – слабым голосом проговорила ведущая, доставая из кошелька старинный серебряный фиал с синекорнем, – принеси мне цветов горечавки.

Втора понятиливо кивнула и почти бегом ринулась прочь, восхищаясь мудростью юной хозяйки, умудрившейся даже собственную слабость применить себе на пользу.

В этот раз Арсений проснулся именно так, как любил просыпаться с детства. Еще наполовину утопая в теплой неге сна, сладко потянуться, ощущая гибкость и легкость в отдохнувшем теле, и, не открывая глаз, спокойно обдумать всё происходящее вокруг и внутри себя. И первая ясная мысль была о правительнице этого дома. Неимоверно приятная мысль, согревающая сердце вполне недвусмысленными надеждами.

Хозяйка оказалась очень симпатичной девушкой, фантастически милой и доброжелательной, и Арсений, не задумываясь, отступил от самим же учрежденных правил. И позволил ей командовать собой, как заблагорассудится. Сначала она пожелала с ним познакомиться, и Арсений не стал делать тайны из полного имени, но настоял, что звать его будут коротко – Сен. А у неё оказалось совершенно непроизносимое имя, состоящее почти из одних согласных, и Арсению пришлось поломать голову, прежде чем удалось сократить его до устраивающей обеих Риды.

Она была очень любопытна и внимательна, вслушивалась в каждое слово и пыталась понять его жесты, а пленник смеялся над ее озадаченным взглядом и показывал свои пантомимы снова и снова. Все окружающие как-то незаметно включились в эту игру и вскоре хохотали так, что вздрагивала скамья. А потом она накапала в заваренный травкой чай какого-то зелья и знаками пояснила, что оно улучшает память.

Давно бы так, обрадовался Арсений, никогда раньше и не подозревавший, как трудно оказаться одному среди инакоговорящих существ.

Она и сама отпила немного из его чаши, показав жестом, что от головной боли это зелье тоже подходит. А потом предложила пойти с ней, и Арсений доверчиво потопал следом и чувствовал в тот миг, что готов пойти куда угодно, если Рида попросит об этом знаком или взглядом. Еще вспомнилось, как они вошли в комнату, сели на край постели и она ласково поло-

жила руку ему на лоб... от этого воспоминания губы пленника расплзлись в самодовольной ухмылке.

А вот дальнейшее помнилось не очень четко, вроде лежал он на постели, а вокруг мелькали какие-то тени и выла свирель... или это было уже во сне? А вот с чего он вдруг уснул в такой неподходящий момент, Арсений вообще понять никак не мог, и смутное подозрение как-то неприятно шкрябнуло по сердцу. Слишком уж похожи были симптомы на похмельное забытье.

Нет, алкоголем Арсений никогда не увлекался, поклон родителям, сумели еще в раннем детстве внушить стойкое отвращение к пускающим соплю мужикам и расхристанным, визгливым пьяным бабам. Но несколько раз пришлось-таки выпить с состоятельными клиентами, упрямо не желающими понять, как может какой-то строитель отказываться от коньяка, если тот стоит четыре тысячи за бутылку. А поскольку пить Арсений так и не научился, то каждый раз испытывал все «прелести» похмелья.

Но вчера он не пил ничего... кроме зелья, и в таком случае нужно сначала расспросить Риду, возможно, так и положено, и зря он насторожился.

Арсений откинул одеяло и решительно спустил с постели ноги. В комнате слабо горел светильник, и пленник сразу обнаружил свежую полосу, проведенную по полу, и новые заковыристые знаки, появившиеся с другой стороны.

Ах, вот, значит, как, пронзило мозг пленника ясное понимание. Решили снова испробовать на нем свои шаманские штучки? Ну ладно, подлые аборигенки, раз вы встали на путь насилия и не оценили чистосердечно предложенной дружбы, давайте сыграем по вашим правилам.

Вы еще очень пожалеете о своём коварстве. И неважно, что пленнику просто некуда деваться, у вас, похоже, тоже не слишком большой выбор, сердито сопел Арсений, осторожно отвязывая с пояса подаренные Гами крючки. Проверить, действительно эта граница представляет какую-то угрозу или нет и как она подействует на различные предметы, Арсений собирался немедленно.

Выброшенный на другую половину комнаты меховой сапожок стал первым исследовательским материалом и подтвердил первоначальное предположение: обычные вещи легко пересекали невидимую границу.

Потом в ход пошел привязанный за шнурок железный крюк. Осторожно, стараясь не задеть рукой за воздух над чертой, Арсений бросил крюк на ту сторону. Показалось или на самом деле он словно завис на миг в невидимой паутине?

Наверное, все-таки показалось. Обратный подтягиваемый за шнурок крюк скользил легко и по пути слегка разметал четкие линии знаков и пограничной линии. Арсений хитро сощурился, наблюдая за этими разрушениями и, едва заполучив крюк в свои руки, забросил его снова, теперь в другом месте. На этот раз получилось еще лучше, крюк упал поперек, а не вдоль, и произведенные разрушения были гораздо масштабнее. Еще несколько бросков, и наконец пленник решил произвести испытания на добровольце. А поскольку добровольцем был он сам, то особо не торопился, очень осторожно подвинул к границе палец и подождал.

Что-то там все-таки было.

Нечто такое, от которого покалывало и грело кожу, но не сказать чтобы больно или особо неприятно. Арсений отдернул руку и немного помедлил, рассматривая экспериментальный палец, но когда не нашел никаких следов ожога, осознал сразу две вещи. Первая: он не ошибся в худших предположениях, выходец из другого мира теткам нужен был позарез, иначе граница была бы намного основательнее. А эта – просто пугалка, призванная заставить чужака вести себя покорнее. Второй вывод вытекал из первого и был много неприятнее. Милая повелительница, которую он уже видел в своих объятиях, такая же меркантильная стерва, как его гражданская жена Марина.

Хотя все, кому нужно, отлично понимают: звание «гражданская жена» – это пустой фантик от конфетки. Вот предложи телке жить с тобой, но честно сообщи, что она должна будет стирать, убирать и готовить, зарабатывать деньги, а также заниматься с тобой сексом столько, сколько тебе захочется, но предупреди, что не будешь при этом ей ничего должен, ни все деньги отдавать, ни за свои поступки отчитываться, ни в верности и любви клясться – и она лопнет от возмущения. Или, что вероятнее, с ходу даст тебе в бубен. Но стоит схитрить, позвать дурочку в гражданские жены – и в обмен на это заветное звание телка будет спокойно терпеть всё ранее перечисленное. В святой идиотской надежде, что тебе когда-нибудь захочется повести ее в ЗАГС.

А вот его Марина оказалась хитрее. Ничего не требовала, ничего не просила. Но в фирме за несколько месяцев умудрилась стать незаменимой и всех немногочисленных сотрудников прибрать к рукам. А потом подсунула ему на подпись не до конца заполненную доверенность, якобы не успела, перед самым его отъездом к срочно вызвавшему заказчику, и, пока Арсений отсутствовал, сумела переоформить все дела на себя. Такой почти семейный рейдерский захват. Конечно, готовила Марина все заранее, и опыт, как выяснилось, у нее был богатый, и решительных парней, призванных успокоить уже почти нищего сожителя, гадина нанять не забыла.

Спасибо, один из старых друзей не побоялся, позвонил, и Арсений успел спрятаться у почти незнакомой бабульки, которой они однажды починили краны просто так, из сострадания. К тому времени стало понятно, что никто из ранее клявшихся в вечной дружбе партнеров по бизнесу и новых богатых дружков на самом деле ничего такого в виду не имел.

Арсений отбросил нахлынувшие воспоминания и встал почти вплотную к границе, поджав босую ногу: полы тут просто ледяные. Сосчитал до трех и осторожно сунул в опасную зону руку.

Горячевато, как под контрастным душем, но терпеть можно.

А, была не была, бесшабашно мотнув головой, пленник резко прыгнул на ту сторону.

Ощущения были... специфические. Наверняка нечто подобное испытывал любимый им в раннем детстве Иванушка-дурачок, прыгавший в котел с вареной водой. Но окатило и схлынуло, не оставив на коже ни малейшего покраснения.

– Получите и распишитесь, – злорадно бормотал пленник, растирая ногами остатки шаманских знаков. А потом и по утратившей всякую силу черте прошелся, пусть потрудятся как следует, прежде чем все соберут.

И только после этого осторожно выглянул в коридор, проверить, нет ли поблизости охраны. Нет, никого. Очевидно, подлые туземки абсолютно уверены в новом заклинании, раз решили оставить пленника совсем без присмотра, мстительно фыркнул бывший бизнесмен, успевший в очередной раз убедиться в выстраданной житейской мудрости. Никогда нельзя быть до конца уверенным в ком-то или чем-то.

Арсений неспешно прогулялся по своим делам и так же неторопливо дотопал до кухни, почему-то страшно захотелось есть, прямо желудок подвело. И только разглядев странно безлюдное помещение и погасшую плиту, вдруг понял, что в доме подозрительно тихо.

Стало быть, еще глухая ночь, а он чувствует себя отлично выспавшимся. И мышцы, натруженные тяжелым молотом, совершенно не болят.

Уколола неожиданно горьким пониманием обида, и вспомнился пустячок, прорвавшаяся мозоль на ладони, вскочившая в первый же час работы.

Арсений шагнул ближе к светильнику, поднес к лицу ладонь. Вот гады, это сколько же он спал? Не меньше трех дней. Если не больше. Нет, больше никогда он не станет верить женщинам, оказывается, они во всех мирах одинаково лживы и подлы.

Однако рассуждая так категорично, пленник не забывал шарить по полкам и мискам, и вскоре остатки каши, кусок вяленого мяса и неизменные грибы лежали перед ним на плоском

блюде. Запивать найденную провизию он решил простой водой, одного чаепития для науки достаточно.

Когда блюдо почти наполовину опустело, в животе появилось ощущение тяжести, а настроение заметно улучшилось, дверь кухни потихоньку открылась.

Это движение Арсений заметил сразу, специально сел в уголке, чтобы видеть все три двери, в столовую, на лестницу и в подвал. Но голоса не подал, пусть тот, кому приспичило, как и ему, гулять по ночам, входит смело, а там уж они разберутся.

Беззвучно скользнувшая в кухню крупная фигура воровато оглянулась и застыла на месте, заметив сидящего за столом демона. Отточенным движением метнулась к поясу рука, выхватила тускло блеснувшую полоску металла и, не раздумывая, послала в полет.

– Вот дура, – зло рыкнул едва успевший уклониться Арсений, – ты что же нападаешь не по делу? Я, может, и не враг вовсе?

Выговорил и сам внезапно поразился, услышав, как странно прозвучали вырвавшиеся из горла звуки.

И напавшая аборигенка тоже изумилась, но не надолго, стало быть, не такое уж это диво – внезапно заговоривший на ее языке чужеземец.

– Ты меня выдашь, – сообщила бесстрастно, доставая второй нож: уж теперь-то, когда глаза привыкли к полумраку, она не промахнется.

– С чего ты взяла? – прищурился пленник, неотрывно следя за ее движениями. – Или по себе судишь? Почему я должен тебя выдавать, если ты мне ничего плохого не сделала? А может, мы еще и договоримся?

Однако, примирительно высказывая ей упреки, не забывал незаметно отвязывать от пояса шнурок с крючком, хоть и дрянное оружие, а другого пока нет. И еще загадал, если выйдет невредимым из этой переделки, то обязательно разживется у Гами каким-нибудь копьем. Пора учиться жить по-новому.

– Урса? Мне тут страшно... – На тихий шепоток, раздавшийся от двери, женщина обернулась стремительно, как раненый зверь, и метнулась туда, загораживая собой меховой клубок.

– Я только еду возьму... – Появление свидетеля неожиданно сделало ее сговорчивее, – и уйду, тебя не трону... если не станешь кричать.

– Урса... – теперь и Арсений узнал раненую аборигенку, – я не стану кричать, поверь. Не нужно мне это. Только скажи... ты точно знаешь, что вы выживете?

– Как такое может знать человек? – хмуро усмехнулась она. – Зато я точно знаю другое: без меня немощному выбракованному трутню в селе не выжить.

– А кто это... бракованный трутень? – засомневался Арсений, что правильно понял смысл ее слов.

– Вот он, мой ребенок, Хир, – подтянула к себе Урса закутанного в меховые одежды малыша, и на демона настороженно глянули знакомые голубые глазенки.

– Урса... – почувствовав, как в душе острой болью шевельнулось воспоминание о родной семье, тихо попросил Арсений, – если есть немного времени... объясни, почему он бракованный... и почему он ходит в девчачьей одежде?

– Одежда обычная... все трутни так одеваются... – недоуменно вытаращила глаза Урса, – а что бракованный... так сразу же видно. Они ведь в одну весну с Манист родились, а она уже на голову выше. Да и болеет он часто... Нет, его ни один дом трутнем не возьмет, а в селе тяжело... да и жалеть бракованного никто не станет... сразу дракону отдадут, как очередь подойдет.

– Кому? – так и подпрыгнул Арсений, вот только этого тут и не хватало, дракона какого-то!

– Ну да, ты же не знаешь... – сообразила Урса. – Если уж туглы совсем начинают напирать, тогда идем просить дракона, чтобы отпугнул. Но он злопамятный, если хоть одну весну не принести жертву, помогать не станет.

– Вот сволочь... – вслух подумал Арсений, начиная понимать, как все непросто в жизни этих примитивных аборигенов. – А как же вы доберетесь?

Куда они собираются бежать, Арсений специально не стал спрашивать, он все равно местности не знает, так зачем женщину тревожить? Она и так нервная дальше некуда: нож, воткнувшийся в спинку скамьи почти у самого плеча, еще несколько секунд дрожал, словно от бесильной ярости.

– Собак возьму... – бросая в мешок продукты, откликнулась аборигенка, но Арсений заметил: несмотря на торопливые движения, Урса старается не поворачиваться к нему спиной. – Да не бойся, я их потом назад отошлю... снежные собаки не заплутают.

– А следы?

– Так метель метет... еще со вчерашнего дня... хотя ты же проспал, – виновато глянула женщина. – Ну прощай... пора нам.

– Подожди... – каким бы чужим ни был для него этот мир, но отпустить в ночь, в метель, женщину с ребенком... нет, вовсе не так он был воспитан и не так понимал мужское благородство.

И пусть не очень это благодарное дело... быть благородным, но это в тебе либо есть, либо нет, и третьего не дано.

– Ну что? – с досадой отозвалась от двери Урса.

– Всего один вопрос... если мне положен в вашем доме охранник... или помощник... я могу сам его выбрать?

– Тебе дадут лучших... – пристально глянула на демона Урса, – сам ты не можешь выбирать, возьмешь кого-то слабого...

– А если я захочу выбрать сам... и других не возьму? Если я хочу выбрать тебя?

– У меня рука сломана... – помолчав, призналась аборигенка, но спешить вдруг перестала, и Арсений чуть расслабился, похоже, в душе она согласна.

– Но ведь ваши... эти, туглы, придут не завтра? – почти весело ухмыльнулся мужчина, начиная верить в заключение сделки. – А ты могла бы забрать ребенка с собой, мы его немного подкормим, глядишь, и подрастет.

А что? Его мама искренне считает, все болезни от неправильного питания.

– Зачем он тебе? – насторожилась Урса, снова прикрывая собой Хира.

– Не нужен он мне, – укоризненно качнул головой пленник, – просто не люблю, когда обижают слабых.

– А чем мы тебе отплатим? – Похоже, с благородными тут еще большая напряженка, чем он решил поначалу.

Арсений уныло вздохнул, четко понимая, отвечать на этот странный вопрос придется, слишком уж серьезно следят за ним две пары глаз.

– Очень многим, – строго сообщил он, – будете всегда говорить мне правду, честно рассказывать обо всем происходящем в вашем мире, оденете Хира в штаны, в моем мире мужчины ходят в штанах, ну чего еще... а, научишь меня так бросать ножи, как ты. Все.

Урса выслушала его внимательно, как слушал сам Арсений богатых и капризных клиентов, задумчиво кивая на каждое слово, произнесенное на ломаном гаранском языке, и, наконец, согласно хлопнула ладонью по столу.

– Принимаю твой путь.

– Обещаю, что он будет честен, – всплыли в памяти незнакомые Арсению слова чужой клятвы, и он поторопился их произнести.

Аборигенка склонила голову в вежливом поклоне и отправилась убирать взятые в дорогу припасы на место.

– Хир, иди сюда, – подмигнул пленник малышу, и тот безбоязненно притопал к столу.

А чего бояться-то, если Урса заключила с демоном сделку, он сам слышал. Не маленький, знает, такими клятвами зря бросаться не положено. Хир доверчиво взял в одну чумазую ручку кусок холодной мамалыги, в другую ломоть кабанятины и первым делом вонзил редковатые зубки в вожденное мясо.

Урса неслышно села на уголок скамейки и умиленно следила за сосредоточенно жующим ребенком, а Арсений с болью припомнил: именно так смотрела на него и сестренка с братом мать, когда, набегавшись по улице, они первым делом хватали со стола пирожок или оладушек.

– А теперь пойдем в мою комнату, сегодня вам хватит одной постели, а утром принесем ему лавку, – вставая из-за стола, объявил пленник, когда Хир расправился с внеплановым угощением и как-то осоловело притих.

И Урса не стала спорить, а послушно потопала следом, крепко стискивая в мозолистой руке крошечную детскую ладошку и стараясь не думать о том, как рассердится ведущая, обнаружив их с трутненком в комнате демона.

Глава шестая

Никогда еще Аркстрид не чувствовала себя так отвратительно. И вроде всё сделала правильно, и втора смотрит на нее восхищенно, почти как на Эргезит, главу совета старейших ведущих, а сердце тянет стыдом и раскаянием. Намного сильнее, чем тянуло, когда ей пришлось три года назад отдавать в чужие дома двух самых близких подруг. Почти сестер, выросших с ней в одной комнате. Обе были ведущими, и дома, обделенные чародейками, давали за них слишком хороший выкуп. В тот раз никак нельзя было отказаться от обмена: ведущие нужны всем, и совет не понял бы ее отказа. Бывали и такие случаи, когда старейшины распределяли ведущих силой и выкуп назначали сами. И, как правило, он бывал много меньше, чем при добровольной мене.

Все хозяйки понимали: таким образом совет пытался предупредить утаивание чародеек, и скрепя сердце сами отдавали в чужие руки своих сестер и дочерей. Утешаясь лишь одним: с ведущими везде обращаются одинаково бережно и предупредительно.

Ну а как их не беречь, если от ведущих напрямую зависит так много важнейших вещей? Заговоры на здоровье и охрану, поиски рыбы и дичи, проверка купленных у селян продуктов и тканей. Но и чародейки за заботу платят добром и бескорыстным трудом, все помыслы отдавая интересам дома.

А вот вчера... произошло нечто совершенно необъяснимое, непредвиденное, окончательно нарушившее ее душевное равновесие. Хозяйку дома отчего-то начинала грызть совесть при одном лишь воспоминании о слишком доверчивом и открытом взгляде демона.

Права Харрис, ох как права, неправильный демон им достался. Не рычит, не бросается, никого пока не укусил и не подрал. Так у него и когтей-то нет, рассмотрела она, пока рядом сидела... его руки. При мелькнувшем в памяти воспоминании о произошедшем в столовой бледные щеки ведущей вновь залил жаркий румянец. Как она тогда смогла сдержаться... даже внимательная втора ничего не сумела углядеть.

Да никому из воинов и в голову не пришло заподозрить... как нелегко пришлось их хозяйке в те короткие минуты, пока демон уверенно нес ее к столу. Ведь у Аркстрид прямо сердце замерло, когда она осознала, что чувствует чужие руки так, словно на ней вовсе нет одежды. Каждый палец, крепко и бережно стиснувший ее тело, тепло чужой груди... биение демонского сердца... нет, даже вспоминать стыдно до ужаса.

Хотя вроде не первый раз ее носят на руках, с её-то здоровьем с каждого ритуала Урса или Бин как мешок тащат ведущую в спальню, почему же никогда раньше она не испытывала ничего похожего?

Растерявшаяся от незнакомых ощущений хозяйка изо всех сил попыталась казаться более измученной, чем была на самом деле, а пленник, стараясь ее развлечь, вел себя так удивительно открыто и естественно, словно был не демоном, а одним из ее воинов. Подавал еду, доверчиво сообщил свое имя, а потом странными ужимками насмешил всех за столом...

И даже на миг не заподозрил обмана...

А когда Аркстрид поняла, что демон уже полностью во власти зелья, и повела его в комнату, он все пытался до нее незаметно дотронуться, и были эти прикосновения не так осмоторительно опытные, как у трутней... попытался было кое-кто заслужить ее милость... Хоть все знали, даже думать не положено о таком бракованной гаранте, держащейся на месте хозяйки только благодаря незаурядной чародейской силе.

И уж вовсе не так оскорбительны, как у туглов, поймавших однажды молоденькую ведущую в сети. Враги в тот раз сначала обрадовались своему везению, но очень скоро убедились, как сильно ошибались.

Аркстрид сердито фыркнула, в который раз поворачиваясь на другой бок: завтра много работы, и демон может к вечеру проснуться... неизвестно, как он поведет себя, если поймет, что она подсунула зелье послушания.

Нет, после, уже к утру, когда Аркстрид все обдумала и осознала возможность потери доверия с таким трудом добытого защитника, то сумела придумать, как исправить положение. Полдня потратила на ритуал обучения, всех загоняла. Вторя, Тулист и Бин по очереди до хрипоты читали записанные на зачарованные свитки названия вещей и действий, а она дула в буро, пытаясь влить свое понимание смысла этих слов в чужое сознание.

И теперь может сказать демону, будто все так и было задумано изначально. Вот только сама всегда будет знать, что это неправда. И опоила она его только затем, чтобы потом надежно запереть.

Давным-давно говаривала Эргезит, объясняя ученицам суть ритуалов, что с помощью чародейства можно обмануть кого угодно, отвести глаза, спутать, зачаровать. Кроме себя самой.

И только теперь Аркстрид до конца поняла смысл тех слов. Вот только никогда не думала юная ведущая, что это понимание ее вовсе не порадует.

Крутнувшись на постели в очередной раз, хозяйка с досадой поняла, что больше уснуть ей не удастся, и решительно слезла с постели. Чего зря валяться, лучше пойти на кухню и что-нибудь сделать или проверить коз, еще три штуки должны вот-вот окотиться. А днем немного поспать, слабое здоровье дает ей такое преимущество, никто и не вздумает попрекнуть. Набрехала старенький штопаный акхадак, надела домашние унты и решительно выскользнула за дверь. И сразу услышала негромкий стук.

Совершенно невозможный, противоестественный, никто не должен так стучать в доме в это время.

Сердце Аркстрид захлебнулось тревогой, и девушка почти бегом бросилась в ту сторону, откуда доносился тревожный звук.

А добежав, не поверила самой себе: возле входа в отхожее место уже стояли несколько воинов во главе со второй и растерянно смотрели на знакомую дверцу. А изнутри по ней стучали чем-то твердым, от удара рукой такого звука не может быть.

– Сен? – осторожно позвала вторя, не заметив приближения хозяйки.

– Еще немного потерпите, – спокойно отозвался из-за двери голос демона, – я почти закончил.

– Что он... почти... сделал? – потерянно прошептала вторя.

– Почти закончил... – нерешительно ответил кто-то из воинов.

– Кого закончил? – охнула немолодая гарана, ходившая в воинах последнее лето, и Аркстрид по тяжелому дружному вздоху догадалась, насколько одинаковы у всех присутствующих смятённые мысли.

– Всё, принимайте работу. – Дверь распахнулась, и демон бесцеремонно втащил Харрис в чуланчик.

И не успели воины опомниться, как дверь снова захлопнулась. Дернулась, плотно вставая на место, и что-то зашуршало. Гарана, стоявшая к двери ближе всех, торопливо толкнулась внутрь, но дверь даже не шелохнулась. Ее соседка, не поверив своим глазам, изо всей силы уперлась в дверь руками – напрасно. Видимо, демон подпер ее изнутри чем-то... или кем-то?

– Нужно ломать, – скомандовала Аркстрид, сурово поджав губы: вот и расплата за непродуманное решение.

Демон действительно расвирепел, раз кончает ее воинов с таким невозмутимым спокойствием. Надо было догадаться раньше, что он намного умнее тех, которые попадали к ним прошлые разы. А теперь, видимо, придется пленника отравить, и неизвестно еще, какой яд на него подействует наверняка.

Кто-то из воинов бросился в сторону кухни за топориками и ножами, кто-то в соседние комнаты за своим оружием.

И в этот момент дверь снова распахнулась и все увидели совершенно здоровую и невероятно ошарашенную Харрис. И абсолютно спокойного и чистенького демона, без единой капли крови на женской рубахе.

– Объясни остальным сама, – по-хозяйски приказал демон вторе и уверенно зашагал в сторону своей комнаты.

Воины оглянулись на хозяйку и, не получив никакого приказа, сообразительно расступились перед ним, только Аркстрид осталась стоять на месте.

Хотя, видят всемогущие боги, ей, как никогда, нестерпимо хотелось спрятаться за чью-нибудь широкую спину. А демон шел прямо на нее, и в какой-то момент ведущей стало казаться, что вот сейчас... они столкнутся... но этого не произошло.

Он скривил губы с едва заметным презрением и обогнул Аркстрид так равнодушно, словно она была просто столбом.

Словно бадью помоев вылили на хозяйку, да не случайно, так бывает, а нарочно, с издевкой. И нужно бы что-то крикнуть... рассердиться... но от обиды и стыда язык точно отсох.

– Натерпимся мы от него бед, помяните мое слово, – тихо пробурчала пришедшая в себя первой Харрис, с жалостью глядя на побелевшую от унижения ведущую.

Аркстрид хотелось отвернуться, убежать, броситься ничком на постель и, закрыв уши ладошками, прорыдаться до икоты, до того блаженного состояния, когда в теле и в сознании побеждает безразличие и усталость.

Однако ей никак нельзя было показывать своей слабости воинам, которых вскоре придется послать на верную смерть. И потому ведущая поспешила натянуть на лицо привычное, холодно-равнодушное выражение и совсем уже собралась отправиться к себе в комнату, забыв от расстройства про коз и приготовление завтрака. Вот только кольнул сердце слегка запоздалый вопрос: как случилось, что запечатанный лично ею демон спокойно разгуливает по дому и наводит свои порядки? Причем запечатанный не как-нибудь, а с применением огненных, самых сильных заклинаний защиты. И это следовало выяснить немедленно.

– Иди за мной, – кивнула Аркстрид виновато хмурившейся Парбин, наконец-то появившейся в галерее, и устремилась следом за демоном.

– Хозяйка... – прошептала Бин, когда они отошли на несколько шагов, – Урсы нигде нет. Я все обегала... и к собакам заглянула... и даже к трутням, хотя и не время.

– К малышам ходила? – привычно прикинув места, куда могла отправиться ночью подручница, так же тихо спросила Аркстрид, немного замедляя шаг.

– Ходила... потому и задержалась... везде проверила, ее заморыша тоже нет. Я сразу к выходу бросилась... дверь балкой не заложена... а на улице метель, следов не видно.

Значит, все же ушла, горько хмыкнула Аркстрид. Променяла родной дом, подруг и подзащитную хозяйку на чахлого заморыша.

Обидно. А казалась такой невозмутимой и рассудительной. Вот и делай после этого добро, и надейся на благодарность. А она даже попрощаться не захотела... тишком сбежала.

Или... не решилась прийти прощаться? Мысли ведущей приняли другое направление. Неужели побоялась, будто не пойму, не пожалею?

Да, скорее всего, так, все домочадцы уверены, что для их хозяйки сила и сохранность дома важнее, чем мелкие личные заботы. Как свои, так и чужие.

Но ведь это неправда! Когда интересы дома и ее подруг не пересекаются, она всегда старается сделать уступки... хотя... не особенно часто такое случается, если честно признаться.

Возле двери в комнату демона Аркстрид замерла на несколько мгновений, набираясь решимости и пытаясь заранее найти слова, с которых нужно начать разговор. Ведь не кричать же, как ты посмел... если окажется, что демон выбрался сам. А вот как поступить, если среди домочадцев нашлась предательница... нет, такого просто не может быть.

Однако нужные, веские и мудрые слова так и не нашлись, а стоять дальше в нерешительности под дверью комнаты в собственном доме было как-то смешно... или совестно, и ведущая решительно толкнула дверь. Представшая перед ней картина оказалась так неожиданна и неприятна, что Аркстрид даже отстраненно порадовалась отсутствию заранее заготовленной фразы. Всякие слова оказались бы неуместны в такой обстановке.

Ее линия не была аккуратно прервана, как сделал бы любой из домочадцев, не понаслышке знающий, сколько силы и заклятий вложено в магические знаки. Никто бы не решился топтать знаки, опасаясь пагубного действия вырвавшейся исковерканной силы.

А все творившееся здесь лучше самой складной баллады поведало хозяйке о бушевавших в душе демона злобе и обиде. Или у демонов нет души? Наверное, у таких, каким был тишанотский, которого пришлось в конце концов отправить в подарок дракону, души и нет. А вот у неправильного защитника, вызванного ею из глубин мироздания, определенно есть... может, и не совсем душа, но нечто подобное.

Иначе как объяснить, что он не порвал одеяла и не разбил стол, зато растер в прах с таким старанием выписанные и наполненные силой символы?! И даже от безвредной после уничтожения знаков линии не оставил ни одного нерастоптанного кусочка.

Хозяйка подняла взгляд на демона, придвинувшего к постели стол и раскладывающего на нем какие-то изогнутые железки. Ах да, он же вчера с Гамират вроде подружился... вспомнила ведущая, и вопрос, куда она пойдет отсюда, решился сам собою.

А демон продолжал свое занятие с таким невозмутимым видом, словно, кроме него, в комнате никого не было.

Аркстрид беспомощно оглянулась на Бин, впервые в жизни не зная, что сказать чужаку, живущему под крышей ее дома, и сразу натолкнулась на ожидающий взгляд подручницы. Бин напустила на себя таинственность, совершенно не сочетающуюся с ее круглым румяным лицом, и многозначительно указала глазами на вторую постель. Ведущая проследила за ее взглядом и едва не охнула.

Из-под одеяла виднелась такая знакомая спина Урсы. Торчащий конец лубка, к которому Тулист примотала ее сломанную руку, не позволил бы спутать предательницу ни с кем другим. Хозяйка порывисто шагнула к постели, заглянула в уголок и понимающе скривила губы. Все ясно, и заморыш тут как тут. Вот теперь ей понятно, как демон сумел вырваться на волю. Урса выпустила в обмен на покровительство и защиту для бракованного трутненьша.

Урса проснулась почти сразу, как почувствовала на себе пристальные взгляды, осторожно повернулась, чтоб не разбудить Хира, потеплее прикрыла заморыша одеялом и только после этого села, нащупывая ногами унты.

И всё это под потоками горького презрения, струящимися из глаз вчерашних напарниц по боевой тройке. Самой сильной в их доме. Впрочем, тройка хозяйки в каждом доме самая сильная, только тройки ведущих могут соперничать с ними. А вот в доме Аркстрид соперников им не было с тех самых пор, как Харрис проиграла юной ведущей в поединке за звание хозяйки. Разумеется, не силой взяла победу Аркстрид, а чародейством, так ведь больше никто и не захотел с ней сражаться, после того как с полянки унесли бесчувственное тело бывшей хозяйки. Аркстрид сама ее и лечила потом, и все радовались, что сражаться Харрис пришлось с чарами, а не с мечом в чьих-то сильных руках. Многие проигравшие претендентки на должность хозяек домов получали в весенних поединках достаточно тяжелые ранения, хотя по обычаю битва шла до первого падения.

– Ну, и чего вы тут забыли? – проследив за безмолвными переглядываниями аборигенок, грубовато поинтересовался Арсений. – Не даете моей охраннице отдохнуть.

– Не может она быть твоей охранницей, – сквозь зубы процедила ведущая. – Дом должен доверять той, которая будет в подручниках у демона.

– А кто у нас демон? – искренне удивился Арсений, но взглянул в виноватые глаза Урсы и все понял.

Вот, значит, как. Это они, оказывается, считают, будто демона себе добыли, теперь узнать бы, зачем он им так нужен был?! Но это позже, сейчас нужно поставить на место эту стерву с лицом ангела.

Арсению за последние годы стали особенно ненавистны женщины, ведущие себя как мужики. Особенно бизнес-леди различного уровня, с которыми приходилось сталкиваться почти ежедневно. Их громкие, уверенные голоса, чересчур раскованное или подчеркнуто высокомерное поведение, оценивающие взгляды и полное отсутствие стеснительности. И особенно злила и немало смешила парня при ближайшем знакомстве твердая уверенность таких дам, что именно они достойны настоящих принцев. Правда, и понятие о принцах у них было довольно своеобразное, ни одной, даже самой захудалой принцессе в средние века и в голову бы не пришло назвать пузатенького владельца сети ресторанов и нелегального гарема принцем, да еще и прекрасным.

– Понятно, – саркастически протянул Арсений, с неприкрытым презрением рассматривая леди-босс, – значит, демон – это я. Допустим. А вот почему Урса не достойна меня охранять, вам придется объяснить поподробнее.

Аркстрид молча рассматривала демона и понимала, что сказать, не повезло с демоном, – значит сильно покривить душой. Не просто не повезло, а гораздо хуже, судьба вместо помощи подсунула огромную проблему, которая с каждым днем раздувается все больше, как брошенная на солнце тушка рыбы-ежа, и теперь каждую минуту можно ожидать оглушительного взрыва. Ну и, само собой, сопутствующего ему града вонючих и очень острых игл.

– Так она же предательница... – не выдержала Бин, не понимающая странного молчания ведущей.

– А где доказательства? – едко ухмыльнувшись, уставился на нее демон. – Как это вы определили, что она предательница?

Растерявшаяся от неожиданного отпора подруница в смятении по-птичьему склонила голову, заглядывая сверху в лицо хозяйки: о чем это он? Разве и так всё не ясно?

– Кто тебя выпустил из-под печатей? – взяв себя в руки, бесстрастно спросила Аркстрид, кивнув Бин, чтобы молчала, и та, облегченно вздохнув, привычно замерла за плечом хозяйки.

– Что такое печати? – так же холодно поинтересовался Арсений, не желая ничего объяснять, пока не поймет, в чем тут дело.

– После ритуала... обучения тебя нашему языку, – Аркстрид говорила не спеша, обдумывая каждое слово и изо всех сил стараясь, чтобы сказанное прозвучало как можно правдоподобнее, – я сама запечатала охранную черту. Иногда после вторжения в разум чужих понятий... у существ из других миров наступает кратковременное помешательство. Некоторые сильно расстраиваются, другие, наоборот, впадают в ярость. Я должна была защитить тебя... и домочадцев от любых случайностей.

Сказанное хозяйкой очень походило на правду... или это Арсению в глубине души хотелось, чтобы походило? Пленник вопросительно взглянул на Урсу, и она утвердительно махнула рыжеватыми ресницами. Не сказать, что Арсений особенно поверил ее утверждению, как ни крути, а они тут все заодно, а он для них только чужак, но решил пока сделать вид, будто верит. Так проще договориться, как говорила бабушка, худой мир лучше доброй войны.

– Я сам вышел из этих печатей, – кратко обронил демон, и Аркстрид с ужасом поняла, что он не лжет.

Слишком быстро и уверенно он ответил, и чересчур много гордого превосходства прозвучало в его голосе, чтобы это было ложью.

– А Урсу как нашел? – На самом деле это уже не имело никакого значения, просто невозможно было после его заявления развернуться и уйти как ни в чем ни бывало, слишком это было бы похоже на бегство.

– Никак не искал, – решив, что в этом случае правда – самый лучший вариант, пожал плечами пленник, – пошел на кухню за едой, там и встретил.

Он не солгал, поняла хозяйка по выражению лица поджавшей губы Урсы, но и до конца всего не сказал. Хотя ей и не нужно ничего говорить, дальше она и сама может догадаться, не дурочка. Да и не могла бы дурочка стать хозяйкой дома, все желающие выйти на весенний поединок сначала должны получить одобрение совета старейших ведущих. Или приказ, как она, например.

– Ты же не желаешь, чтобы твоим родным домом правила Кинтаמיד или Бангезат? – сурово спросила семь лет назад юную ведущую ее учительница Эргезит, – а ведь Харрис против них не выстоять.

Аркстрид и сама отлично это знала, именно ей и досталось нянчиться с хозяйкой после того, как та повредила в последней битве с туглами позвоночник, свалившись со стены на камень. Вот и пришлось бросать вызов главе собственного дома. Правда, никто, даже ее верные подручницы до сих пор не догадываются, что тот бой был просто спектаклем. Они втроем, она, Харрис и Эргезит, заранее обо всем договорились, и падала ее хозяйка по собственному желанию. Ну а грохот, вспышки света и прочие впечатляющие эффекты, необходимые ради убеждения остальных претенденток, пришлось обеспечивать Аркстрид.

– Я дала ему клятву, – решила наконец вмешаться в разговор Урса, отлично понимавшая, как трудно сейчас ведущей, и желавшая дать понять, что не считает бывших соратниц врагами, – и он ее принял.

– Тогда найди себе подручницу... – Аркстрид не подала и виду, что помощь пришлась как нельзя более кстати, впрочем, гараны, прожившие с ней бок о бок восемь лет, и сами прекрасно все понимали. – Только Заримад не бери, она войдет в мою тройку.

Ведущая отвернулась и с достоинством направилась к выходу, но, вспомнив про Хира, на миг остановилась и безапелляционно заявила:

– Ты с подручницей займешь соседнюю комнату. Не упадете с верхних постелей?

– Благодарю... – прошептала вслед захлопнувшейся двери Урса, и по щеке ее неожиданно скатилась одинокая слезинка.

Глава седьмая

– Пришла? – Гамират на миг оглянулась и снова принялась стучать молотом по какой-то железке.

– Поговорить нужно. – Хозяйка выбрала чурбак почище, бросила на него тряпку, какой кузнец вытирает руки после мытья, и торопливо присела: ноги и так еле носят после сложных ритуалов, а бессонная ночь и нелегкий разговор с демоном и вовсе отняли последние силы.

– Сейчас закончу, – буркнула Гамират. – Бин, налей ей пока отвар из того кувшинчика.

Отвары для себя кузнец варила сама, сама и травы собирала, и составы чаев у нее были собственного изобретения, проверенные только на себе. Не сказать, чтоб утаивала она от домохозяек секреты, но выяснять их особых охотников не было. Слишком сложны были сборы, и непросто процесс приготовления, однако выпить при случае кружечку никто не отказывался. Хотя и действовали отвары на всех по-разному, зачастую с совершенно противоположным эффектом.

Но сейчас Аркстрид и не думала отказываться, во рту все просто пересохло, и хозяйка уже жалела, что зря не отправилась сначала на кухню. Она приняла у подручницы кружку и кивком отправила подругу прочь: не хотелось, чтобы хоть кто-то стал свидетелем ее разговора с кузнецом.

Настой был кисловат и душист, напоминал о лете и отварах из диких яблочек и малины, росшей по склонам холмов, и ведущая с удовольствием глотала темную жидкость, стараясь забыть тревожащие мысли. Вот только не очень это получалось, теперь ей были отчетливо видны ошибки в собственном поведении. Но больше всего тревожило честное предупреждение Урсы насчет клятвы, и виделось оно после спокойного обдумывания немного иначе.

Теперь Аркстрид остро жалела, что не разглядела в молчаливой и уравновешенной подручнице фанатично преданную мать, посчитала ее просьбы обычной жалостью. Урса всегда была склонна нянчиться со всяким звериным потомством. Например, могла все свободное время возиться с козлятами, отторгнутыми капризными первесенками, выпаивать их молоком, капая на собственный мизинец, или греть в своей постели самых слабых щенят.

Как было заподозрить, что ради неудачного отпрыска Урса откажется от всех привилегий жительницы дома? Да и ближайшие сёла вряд ли были конечной целью ее побега. Там живут только выбраковки, и острая зависть к нелегкому, но защищенному существованию избранных прольется на беглую воительницу нескончаемыми придирадками и насмешками. Стало быть, уйти она собиралась еще дальше, в северные хутора или прибрежные рыбацкие деревушки, где ютятся бунтари и изгои. А если учесть, что туда и летом-то путь непросто, значит, собиралась бывшая подручница перезимовать где-то в пещерах драконьих гор. Само по себе подобное не ново, иногда там пережидали непогоду ушедшие слишком далеко или заплутавшие охотники. Вот только ходили они отрядами и непременно брали с собой собак и хорошее оружие. Да и дичь там водится, хоть и некрупная, но привыкшая бороться за собственную жизнь до последнего.

Аркстрид зябко поежилась, представив темные, холодные и жутковатые анфилады пещер, виденных не однажды, и горько вздохнула. Вот говорила же она упрямой Эргезит, что не справится с такой нелегкой ношей, как хозяйка дома, да разве ту переспоришь?

– Ну, и что у тебя стряслось? – Гамират бросила в воду зашипевший кусок железа и села напротив.

– Спросить хотела... как тебе показался демон?

– Харрис наябедничала? – ухмыльнулась кузнец, доставая из кармана кусок ткани и вытирая выступившие на лбу капли пота.

– При чем тут Харрис, – отмахнулась ведущая, – ты же знаешь, как она переживает за дом, незачем на нее обижаться. У меня свои сомнения... непохож он на других демонов, попадавших сюда раньше.

– Не попадали они, а вы их вытаскивали, – с грубоватой честностью поправила Гамират. – А насчет демона, извини, говорить пока ничего не буду, еще немного присмотрюсь. Хотя... одно могу сказать точно: никого рвать и жрать он не будет.

– Какой там жрать... – горестно призналась Аркстрид: кузнецу все можно рассказать, она никогда и никому не передаст. – Он Урсу перехватил... когда сбежать пыталась... вместе с трутненышем... теперь она его подручница, клятву дала.

– А я давно говорила, слишком вы балуете Манист, потом наплачетесь, – вздохнула Гамират, и вышло это у нее так добродушно, что и обижаться было глупо. – А теперь и ее наказывать нужно осторожно... а то зло затаит на всех сразу, потом только менять и останется.

– Я придумаю... – совершенно не представляя, какими способами нужно наказывать детей в таких случаях, пообещала Аркстрид. – А с демоном-то что?

– Могу пока только дать пару советов... – уклончиво буркнула Гамират, – потом скажу точнее.

– Давай хоть советы.

– Не мешай ему... чем бы ни начал заниматься... так лучше поймешь, на что он годен, и еще... не зовите его демоном.

– Спасибо, – поднимаясь с чурбака, поблагодарила ведущая, стараясь не показать своего разочарования, никакого особого проку в таких советах она не видела.

Но в одном Гамират определенно была права: нужно присмотреться к нему... пока еще есть время.

– Ну, а теперь рассказывай, – мягко пробормотал Арсений, дождавшись, пока огромная тетка перестанет тяжело сопеть.

Как-то странно они все себя ведут... непривычно и неправильно, и он тоже виноват... разговаривал с этими иномирянками, как со своими соплеменницами. Так ведь и похожи они на землянок, просто до наваждения, и потому у строителя никак не исчезает ощущение, что все случившееся с ним просто шутка, этакий грандиозный розыгрыш.

Какой-то сумасбродный богач решил повеселиться и нанял актеров... а теперь смотрит на них через скрытые камеры и укатывается.

Угу, и кучу медведей выдрессировал, и луны паровозиком по небу развесил, и звезд прикупил на распродаже... – ехидно уколол здравый смысл, и Арсений еле успел задавить готовый вырваться разочарованный стон. Нет... никуда уже не деться от суровой действительности, и мир – чужой, и тетки эти – непознанные объекты.

– Про что? – Урса оглянулась через плечо на пригревшегося рядом с ней малыша.

Ишь как разругался во сне, расслабился рядом с ней, даже вечно сжатые кулачки доверчиво раскрылись. Как иногда странно все складывается в жизни, ведь она собиралась уйти еще осенью, да тогда Хир сильно простыл, долго болел, куда было под непрекращающимся холодным дождем по раскисшим ложкам идти?! А потом у нее самой вспухла нога, попало случайно в сапог острое семечко наездника. Сорная трава, ни на что не годная, а растет повсюду, перебираясь через горы и реки в шерсти животных и на лапках птиц.

А когда хозяйка решила на ритуал, Урсе совесть не позволила бросить нескладную ведущую на новую подручницу, вот и загадала уйти после вызова демона. И когда ей руку перебили, приняла это за знак и стала понемногу готовиться. Случай с синяком только поторопил исполнить задуманное. Урса ведь давно следила за малышами и замечала много больше остальных. Только говорить не могла: не положено в доме как-то выделять или опекать своего ребенка.

– Про вашу жизнь, про местность, про врагов, как вы себя зовете и кто у вас самый главный... – проследив ее взгляд, уточнил Арсений, про мелких он и сам все разузнает, времени свободного тут хватает, в чём угодно разобраться можно.

– Про нашу жизнь... – озадаченно повторила Урса, соображая, с чего начать и что можно говорить, а чего и не стоит, потом как-то сразу сообразила: да все равно он всё узнает... почти всё, и значит, вот про это почти всё и можно говорить.

– Ну, зовемся мы гараны, страна, откуда пришли, так называлась, Гаранта. Только очень давно это было... никто не видел, лишь сказы да легенды и остались. Мы, воины, живем в домах, а строим их все вместе... вот осенью закончили первый этаж дома Тамрисад. А выбранные живут дальше, за холмами, в селах, они нам платят за защиту зерном и полотном. Ну и помогают, когда нужно... это совет старейших ведущих решает... они и главные.

– А в доме... вас много? И кто тут главный? – Этот вопрос на данный момент интересовал Арсения больше всего.

– У нас в доме три тула и семь домочадцев вместе с воинами, – сообщила Урса, и Арсений понял, что откуда-то знает: тул – это двадцать, – но раньше было больше, в это лето шестерых потеряли. Не повезло, туглы прямо против нашего дома перебрались.

– Урса... – осторожно перебил пленник, – а кто такие туглы и откуда они появляются?

Она оглянулась, не зная, как пояснить, потом достала из кучи брошенной в изголовье меховой одежды дротик и решительно разровняла по полу остатки охранной черты.

– Вот смотри... – Извилистая линия пересекла воображаемую карту посередине. – Это горы, вот тут река, на том берегу была раньше наша страна... теперь там живут туглы. А тут мы...

Острие ножа рисовало маленькие кружочки.

– Это наши дома, тул без трех. Вот этот – дом Аркстрид, она наша хозяйка и ведущая.

– Подожди, Урса, я не понял, как это... хозяйка и ведущая? – в голове Арсения смутно шевельнулись какие-то полузабытые названия, слышанные с детства, вроде наш вождь и рулевой... или что-то подобное?

– Только в нашем доме хозяйка – ведущая, – с неожиданной гордостью сообщила Урса, – она самая сильная ведущая среди всех домов. Видел бы ты, какой стоял грохот и дым, когда она победила Харрис. С тех пор никто не решается бросить ей вызов.

– То есть ведущая – это колдунья? – подозрительно прищурился Арсений, начиная кое-что понимать.

– Ну да, она может приводить в себя силу... я, правда, не понимаю, как это происходит, но не раз видела сама, особенно когда туглы наступают, – подтвердила ничего не подозревавшая Урса. – А вот у них совсем нет ведущих, поэтому они нас пока и не захватили.

– А что бывает с теми... кого захватывают? – опрометчиво поинтересовался Арсений и, заметив, как окаменело в скорбной ненависти лицо охранницы, выматерился про себя.

Что уж тут непонятного, то же, что и везде делают победители с местным населением. И нет никакой разницы, в каком мире и в какое время всё происходит.

– Урса... – чтобы отвлечь охранницу от тяжелых воспоминаний, Арсений задал давно интересующий его вопрос, – а где ваши... мужчины?

Почему-то подходящее название более сильной половины человеческого рода пришлось немного поискать в памяти, хотя все остальные слова она подбрасывала сама.

– Кто? – сначала не поняла Урса. – А, трутни! Наверху, спят, наверное. Им разрешено вставать позже всех.

– Не понял, – задумчиво уставился на женщину пленник, – все мужчины... здесь, в доме?

– Ну да... – пожала плечами Урса, – а где же им быть?

– И сколько их у вас? – Нехорошее подозрение проснулось в душе Арсения и с каждой минутой все росло.

– Всего четверо... но весной мы заберем из села еще двоих, Аркстрид их выбрала на осеннем празднике урожая и уже забрала приданое.

– Чего?! – Арсению показалось, что он ослышался. – Она сама выбирала?

– Ага... – Урса насторожилась. – А что в этом такого? Все хозяйки выбирают для своих домов трутней и воинов. Но воинов мы забираем сразу, чтобы за зиму подучить обращаться с оружием, а трутней приведем только на весеннем празднике. Незачем кормить их напрасно всю зиму, так они нам раньше весны и не надобны...

Подручница заметила наконец потрясенный взгляд непривычно черных, продолговатых, как дикие сливы, глаз демона и смолкла, тщетно пытаясь понять, чем именно ее объяснения так ошеломили демона?!

Ну откуда же ей было знать, что до этого момента у пленника даже в мыслях не возникало подозрений о властвовавшем в этом мире матриархате?!

Да бывший бизнесмен вообще имел весьма смутное представление об этом явлении, известном больше по анекдотам и скучным историческим сведениям, прочитанным в школьном учебнике. Причем матриархат был почему-то прочно связан в памяти Арсения с загорелыми амазонками, лихо скачущими топлес на неоседланных конях и насилующих пойманных мужиков прямо на месте.

– И как она их выбирает? – приготовясь услышать еще более шокирующее откровение, процедил пленник сквозь зубы.

– Да просто, – с опаской следя за его сердитым лицом, пробормотала Урса, – в каждом селе столб есть... с отметками, если к совершеннолетию подросток дорос до отбраковочной черты или выше, значит, берем. Только за ними следить нужно, чтоб столб не прикапывали и к пяткам ничего не приклеивали. Вот и проверяем каждый раз все до капельки.

– Сама небось все проверяет?! – Воображение Арсения живо нарисовало яркую картинку, как Рида собственноручно ощупывает мускулистые ноги долговязых парней и заглядывает им в зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.